

Опубликовано:

Русский оккупационный режим в Восточной Пруссии в 1914-15 гг. // Военно-исторический архив. – 2012. – № 6 (150). – С. 160-178; 2012. – № 9 (153).

К.А. Пахалюк

РУССКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ В 1914-1915 ГОДАХ

*«...грабили, разрушали,
а потом очень сожалели,
признавая содеянное»
В. Литтауэр*

Восточная Пруссия – одна из немногих провинций Германии, где в ходе Первой мировой войны шли военные действия¹ и единственная, где смогли побывать русские войска, начавшие вторжение 17 августа 1914 г. В «Объявлении всем жителям Восточной Пруссии», распространяемом по городам и селениям, говорилось:

«Императорские Российские войска вчера... перешли границу Пруссии и двигаются вперед, сражаясь с войсками Германии.

Воля государя императора - миловать мирных людей.

По предоставленной мне власти объявляю:

1. Всякое сопротивление, оказываемое императорским войскам Российской армии мирными жителями, - будет беспощадно караться, невзирая на пол и возраст населения.

2. Селения, где будет проявлено хоть малейшее нападение или оказано мирными жителями сопротивление войскам или их распоряжениям, немедленно сжигаются до основания.

Если же со стороны жителей Восточной Пруссии не будет проявлено враждебных действий, то всякая даже малейшая оказанная ими Российским войскам услуга будет щедро оплачиваться и награждаться.

Селения же и имущества будут охраняться в полной неприкосновенности»².

¹ Не будем забывать, что тогда же, в августе 1914 г., французские армии на некоторое время также вторглись на территорию Германии.

² Восточно-Прусская операция: сборник документов. М.: Воениздат, 1939. С. 252.

Однако все это - на бумаге. А что же в действительности?³

Немецкое население: поведение при встрече с противником

Большая часть населения провинции бежала, особенно из приграничной полосы⁴. Начальник штаба 8-й немецкой армии генерал Э. Людендорф вспоминал о тысячах беженцев, запрудивших дороги⁵. Так, Гумбиннен⁶ перед приходом русских войск был наполовину пуст. То же можно сказать и о Фридланде⁷. По некоторым сведениям, около полумиллиона человек, начиная с августа 1914 г., устремилось в сторону Кенигсберга со всех концов Восточной Пруссии. По другим данным, число вынужденных беженцев составило порядка 350 000 человек⁸. Только в период с 26 по 31 августа на лодках через залив Фришес Гафф в Данциг переправилось порядка 12 000 беженцев.

Необходимо отметить, что на конец XIX века при общей численности в 1 958 663 жителей плотность населения в провинции составляла в среднем 60 человек на 1 кв. км. В уездах Иоганнисбурга и Нейденбурга проживало около 29 и 34 человек на 1 кв. км соответственно. Восточные районы были более густо населены (в Шталлупененском уезде жило 45 329 человек, в Пилькаленском – 46 664, в Гольдапском – 45 002, в Иоганнисбургском – 48 747 жителей)⁹. Сама же Восточная Пруссия, хоть и не имевшая особого значения для какой-нибудь отрасли экономики страны, считалась довольно развитым промышленным и аграрным регионом Германии¹⁰.

Неудивительно, что наступавшие, особенно нижние чины, были поражены богатством и ухоженностью немецких земель. Капитан А.А. Успенский, командир роты в 106-м Уфимском пехотном полку, спустя несколько десятилетий вспоминал: «Солдаты наши с изумлением смотрели на немецкие, уютные крестьянские усадьбы с черепичными крышами и

³ Первый вариант предлагаемой статьи был опубликован: *Пахалюк К.* Восточная Пруссия, 1914-1915. Неизвестное об известном. Калининград, 2008.

⁴ В этом плане показателен следующий эпизод. Первые русские разъезды на немецкой территории появились уже 3 августа, т.е. через два дня после объявления войны. Кн. Вера Константиновна вместе с родителями и братом возвращавшаяся в Россию вспоминала о том, как их везли до русской границы: «Из Эйдткунена ехали мы на двух автомобилях... Неожиданно машина резко остановилась. Дверь распахнулась и наш часовой испуганным голосом закричал «Казачки идут!». Немедленно нас высадили буквально в канаву у обочины шоссе, ведущего к Вержболову... Проехали повозки с беженцами. На другой стороне шоссе, как раз напротив нас стоявший перед своим домиком, крестьянин посоветовал нам поскорее уходить от казаков»

⁵ *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. М., Минск, 2005. С. 53. Это подтверждается и русскими источниками. К примеру, см.: *Звегинцов В.Н.* Кавалергарды в великую и гражданскую войну. 1914-1920 год. Таллин, 1936. С. 63.

⁶ Ныне г. Гусев Калининградской области.

⁷ Ныне г. Правдинск Калининградской области.

⁸ Майор Диккерт, генерал Гроссман. Бои в Восточной Пруссии: обширный документальный репортаж о военных событиях, происходивших в Восточной Пруссии. Калининград: Областной историко-художественный музей, 1999. С.13.

⁹ См.: Германия. Военный обзор военных областей. / Под ред. Л.А. Шванка. СПб., 1898. С. 91-92, 174-175.

¹⁰ См.: *Кретинин Г.* Август четырнадцатого «Очерки истории Восточной Пруссии». Калининград, 2002. С. 348-350.

красивые шоссе, везде обсаженные фруктовыми деревьями. Удивлялись, что висят фрукты, и никто их не трогает! Жителей нигде не было видно, ни одного человека»¹¹. Даже князь императорской крови Гавриил Константинович Романов удивлялся: «Какую противоположность представлял Ширвиндт по сравнению с грязным и непривлекательным Владиславовом! Чистенький город, повсюду была видна аккуратность»¹². Схожее мнение высказывал офицер Генерального штаба А.И. Верховский¹³, служивший в штабе 3-й Финляндской стрелковой бригады, воевавшей в начале сентября 1914 г. в районе г. Лык¹⁴: «Поражал этот непривычный русскому взору переход от города к деревне: не было неизбежных в русских городах окраин с пустырями и свалками, по которым бродят тощие собаки. Никаких покосившихся заборов, ям, куч навоза и мусора. Казалось, там, где кончался богатый город, начиналась полная достатка деревня»¹⁵. О въезде в Лык писал и офицер Б.Н. Сергеевский: «Город был еще совершенно не тронут войной. Улицы были полны народом, все магазины и кафе торговали. При въезде нашем в город какие-то две барышни в белых платьях очень мило махали нам платками...»¹⁶. Следует заметить, что Лык русские войска заняли 19 августа¹⁷, а процитированные мемуаристы побывали здесь спустя полмесяца, в начале сентября. Правда, позднее этот город (равно как и ряд других, «переживших» оккупацию августа 1914 г.) во время осенних боев сильно пострадал.

Ухоженность и порядок Восточной Пруссии отмечали и другие участники событий. Некоторые не понимали, зачем немцам нужно было начинать войну, если у них и так все есть. Богатство германской земли вызывало, особенно у простого солдата (в массе невежественного), чувство зависти, которое нередко трансформировалось в ненависть. Мирные бюргеры же видели в русских захватчиков, врагов нации, от которых можно ожидать всего. Взаимное недоверие и озлобленность накладывались друг на друга, что часто выливалось в различные эксцессы, мешая установлению стабильного оккупационного режима.

А немецкая пропаганда лишь подливала масла в огонь, представляя русских, особенно казаков, бесчеловечными средневековыми варварами и азиатам («бродячие крысы», «степняки зловонные» — лишь типичные эпитеты), которые убивают жителей и

¹¹ Успенский А.А. Восточная Пруссия – Литва. 1914-1915 гг. Каунас, 1932. С. 25.

¹² Великий князь Гавриил Константинович. В мраморном дворце. М., 2001. С. 224.

¹³ Впоследствии известный военный деятель. Будучи командующим Московским округом, в августе 1917 г. выступил против Корниловского мятежа, поддержав Керенского. Затем вошел в состав Директории (Совета пяти) и четвертого коалиционного временного правительства в качестве военного министра. С декабря 1918 г. был военным специалистом в Красной Армии, находился на различных должностях, преподавал в военных академиях. В 1938 г. репрессирован. В 1956 г. реабилитирован посмертно.

¹⁴ Ныне г. Элк (Польша).

¹⁵ Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959. С. 32.

¹⁶ Сергеевский Б.Н. Пережитое, 1914. Белград, 1933. С. 42.

¹⁷ Панаиот В. Мобилизация и начало войны 1914 г. (Воспоминание) «Военная быль». Париж, 1959. № 37. С. 22.

насилуют женщин. Это лишь усиливало страх местного населения. Отсюда – потоки беженцев. Однако Восточная Пруссия уже более столетия была своеобразной «транзитной станцией» для русских, едущих в Европу, поэтому большая часть населения провинции, само не особо желавшее войны, более-менее хорошо знало восточного соседа (и далеко не понаслышке). Поэтому понятны действия немецкой пропагандистов: яркий образ врага и призывы, которые смогли бы не только поднять боевой дух, но и возбудить ненависть к врагу, были здесь, в Восточной Пруссии, особенно актуальны¹⁸. Хотя, конечно, «своеобразное» отношение к русским в Германии (как и во всей Европе) складывалось на протяжении десятилетий, вернее, столетий, а потому лишь усиливалось пропагандой, игравшей на уже существующих стереотипах¹⁹. Немцы полагали, что «русский деспотизм» и его экспансия смертельно опасны для их «высокоразвитой» нации, которая по убеждению многочисленных националистов была чуть ли не колыбелью культурного прогресса²⁰. Неудивительно, что в Германии уже через пятнадцать лет после подписания унижительного Версальского мира 1919 г., завершившего Первую мировую войну, к власти пришли А. Гитлер и его соратники с реваншистскими устремлениями, а также идеями создания «тысячелетнего Рейха» и установления мирового господства арийской расы. Впрочем, официальная российская пресса тоже всю писала о Германии как о главном агрессоре и враге и тиражировала рассказы о немецких зверствах²¹.

В первые дни наступления в Восточной Пруссии русским солдатам не раз приходилось находить в домах, покинутых хозяевами, накрытые столы с почти еще теплой едой. Правда, это является свидетельством не только поспешного бегства, но и того, что некоторые немцы вовсе не покидали свои хозяйства, а прятались в погребах, подвалах или даже лесах, надеясь на скорейшее окончание войны и победу германской армии. Также немецкие власти отдавали приказы об эвакуации. К примеру, русский военный врач З.Г. Френкель писал, что в приграничном Илове «было развешено распоряжение немецкого командования: всем жителям покинуть город, не увозя с собой никакого имущества, к 2 часам дня»²². Хотя горожане, которые разбежались кто куда, постепенно возвращались. В ряде других случаев – возвращали, т.к. потоки беженцев затрудняли передвижение войск. Офицер В.Н.

¹⁸ Крети́нин Г. Август четырнадцатого «Очерки истории Восточной Пруссии». Калининград, 2002. С. 352.

¹⁹ Как тут не вспомнить следующий эпизод. В начале сентября 1914 г. во время тяжелых боев, когда немецкая военная машина на полном ходу неслась к Парижу, Франция обратилась к России с фантастической просьбой прислать несколько корпусов для защиты Парижа. Эта информация просочилась в газеты, и одни из них опубликовали статьи, будто 500 000 казаков уже прибыли. Некоторые «свидетели» изображали их в длинных ярко расшитых шинелях и меховых шапках, с луками и стрелами. Прямо описание гравюр 16-го века. И главное – публика верила (*Шамбаров В. За веру, царя и Отечество! М., 2004. С. 201*).

²⁰ См.: Ян П. «Русского – пулей, француза – в пузо!» «Родина». 2002. № 10. С. 39.

²¹ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века. М.: РОССПЭН, 2006. С. 63; Пахалюк К. Русские туристы в Германии в августе 1914 г. «Рейтар». 2010. № 3. С. 161-168.

²² Френкель З.Г. Записки о жизненном пути «Вопросы истории». 2007. № 1. С. 80.

Звегинцов отмечал: «Все дороги из Фридланда были запружены подводами с беженцами. Большие, пароконные фурманки до верху нагруженные всяким скарбом, скот, ручные тачки, женщины, старики и дети, все это перепуталось и перемешалось в одном желании поскорей уйти от русских. Их было такое множество, что всякое движение по дороге стало совершенно невозможным... Часть повозок была свернута в поле, а другая возвращена во Фридланд»²³.

Русских солдат, въезжающих в города, часто встречала мертвая тишина. К примеру, офицер кирасир Г. Гоштвот впоследствии вспоминал о Фридланде²⁴: «В память надолго запала картина аккуратного чистенького городка, жутко пустого, совершенно обезлюдившего; по ночам странная полная темнота и тишина, прерываемая лишь гулками шагами подкованных сапог, высылаемых в обход кирасир»²⁵. Но в ряде случаев ощущение, что город полностью вымер, было зачастую только внешним: жители, особенно поначалу, просто боялись показаться на улице и привлечь к себе излишнее внимание.

Но некоторые не прятались, а наоборот, активно сотрудничали с оккупантами. Коллаборационисты? Для нас – возможно и так, однако после изгнания русских многие главы местного самоуправления в городах в августе – сентябре 1914 г. ... стали почти героями. В частности, назначенный русскими губернатор Инстербурга доктор М. Бирфройнд, чье имя впоследствии носила одна из улиц, получил от магистрата и городской администрации приветственный адрес²⁶. Это может, с одной стороны, показаться странным, но с другой - воевать должна ведь армия, а не женщины да старики. Эпоха тогда была совсем другой, отличающейся, скажем, от времен Второй мировой войны. Рыцарское отношение еще не было полностью забыто (хотя разрывные пули и химическое оружие свидетельствовали о том, что первые «провалы» уже начались). А сотрудничавшие с русскими властями делали все, чтобы сохранить жизнь мирному населению (в массе это женщины, дети и старики) и спасти город от разрушения, при этом нередко подвергая себя смертельной опасности, за что и снискали уважение у переживших оккупацию сограждан.

Однако не всегда русских солдат встречала абсолютная тишина, а города были полупустыми (особенно те, которые находились в глубине провинции). Обычно бежали только гражданские власти, о полной эвакуации речь шла, скорее всего, в приграничных городах (да и то, не во всех, ибо как исключение можно назвать Тильзит, рассказ о котором пойдет ниже). Например, жители Зенсбурга, согласно воспоминаниям офицера С. Гасбаха, не обратили внимания на первых появившихся кавалеристов, приняв их за немецких

²³ См.: Звегинцов В.Н. Кавалергарды в великую и гражданскую войну. 1914-1920 год. Таллин, 1936. С. 63

²⁴ Ныне г. Правдинск Калининградской области. Это тот самый город, около которого в 1807 г. русская армия генерала Л.Л. Беннигсена потерпела сокрушительное поражение от войск Наполеона.

²⁵ Гоштвот Г. Кирасиры Его Величества в Великую войну. Париж, 1938. С. 101.

²⁶ Кассина Т., Сечкин Д. Инстербург, август четырнадцатого «Надровия». Черняховск, 2003. № 3. С. 18.

солдат. Впоследствии в городе, который занимали части 4-й кавалерийской дивизии, «...жизнь текла совсем по мирному, магазины, кафе, рестораны открыты. Кроме эвакуированных государственных учреждений, все жители остались на месте. Наши солдаты вели себя прекрасно. Не поступило ни одной жалобы от населения»²⁷.

Столкнувшись с солдатами противника в реальности, бюргеры неожиданно понимали: перед ними абсолютно не дикари из средневековья. Постепенно сильный первоначальный страх отступал, но исчезнуть, конечно же, не мог. А вдруг в вежливом офицере или простодушном солдате проснется дикий зверь? Г. Торнер, хозяин отеля в Инстербурге, в котором несколько недель размещался штаб 1-й армии генерала П.К. фон Ренненкампа, отмечал непредсказуемость русской природы, и то, что, несмотря на выражаемое оккупантами добродушие, «нужно было все-таки постоянно держать себя в руках»²⁸.

Думаю, с этим сложно не согласиться. В целом, оставшиеся граждане поголовно в штыхы оккупантов не встречали и старались во многом облегчить себе жизнь, сотрудничая (естественно, с нежеланием) с новыми властями. Например, 30 августа русский кавалерийский отряд появился в Крейцбурге²⁹. Горожане встретили его радушно и помогли «с большой охотой... закупить все нужное продовольствие для людей и лошадей»³⁰.

Но в то же время определенная часть населения, разогретая сообщениями (в массе сильно преувеличенными и ложными) о зверствах русских и патриотическими лозунгами, старалась воспользоваться любым случаем, чтобы навредить врагу. Так, многие нарочно указывали неприятельским разъездам и посыльным неправильные дороги. Во время отступления русских войск мирные (хотя какие же они после этого «мирные»?) граждане нередко оказывали содействие своей армии в изгнании оккупантов. К примеру, обыватели Алленштайна помогали громить русский 13-й корпус, с боем оставивший город³¹. Таким же образом вели себя жители Тильзита в сентябре 1914 г. (неудивительно, когда в последствие русские войска вновь показали недалеко от города, там произошла паника). В целом подобные действия местного населения, которое «безобидным» вовсе не назовешь, думаю, нужно рассматривать как проявление патриотизма (наши же, также небезосновательно, видели в этом коварство).

Даже в сделанном генералом Пантелеевым «Докладе правительственной комиссии, назначенной в 1914 г. для расследования условий и причин гибели 2-й армии ген. Самсонова

²⁷ Гасбах А. Август четырнадцатого: (Трагедия 2-й рус. армии под Сольдау) «Часовой». 1974. № 578. С. 4.

²⁸ Торнер Г. Отель переживает мировую войну. «Надровия». Черняховск, 2003. № 3. С. 33.

²⁹ Ныне пос. Славское Калининградской области.

³⁰ См.: Звегинцов В.Н. Кавалергарды в великую и гражданскую войну. 1914-1920 год. Таллин, 1936. С. 71.

³¹ См.: Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Прага, 1926. С. 269; Фукс В. Краткий очерк операции Наревской армии генерала Самсонова в Восточной Пруссии в Августе 1914 г. «Военный сборник». Белград, 1923. В. 4. С. 137.

в Восточной Пруссии осенью 1914 г.» отмечалось среди прочих причин поражения «непринятие надлежащих мер к осмотру пройденного армией пространства, особенно лесов, городов и селений, к задержанию партизан противника и уничтожению средств сигнализации и сношения (телефонов), коими противник пользовался в тылу наших войск»³².

Нельзя не упомянуть и про дерзкий случай, произошедший в отеле «Дессауэр Хоф» в Инстербурге во время пребывания там штаба 1-й русской армии. Среди obsługi находились два немецких солдата, не успевших отойти вместе со своими частями и потому вынужденных остаться, представившись работниками отеля. Как вспоминал его владелец Г. Торнер: «Когда я однажды утром пришел в отель, на веранде царило большое волнение. Несколько штабных офицеров, среди них граф Шувалов, казалось, уже ждали меня. В возбуждении они сообщили мне, что у одного из них с веранды была похищена папка с документами. Я уверенно, хотя и в вежливой форме, отверг возможность подозрения, что преступником мог быть кто-то из моего персонала. Позже, когда русские были отбиты, Вердехоф, ставший опять немецким солдатом, рассказал мне, что он действительно взял папку с документами, так как предполагал, что в ней находится картографический материал. Но в ней оказались только пара газет и незначительные телеграммы. После этого он уничтожил папку, чтобы не оставлять никаких следов»³³.

Происходили даже глупые случаи. Так, в Нейденбурге один рабочий кинул камень в казачий разъезд, за что тут же был расстрелян³⁴. На что рассчитывал этот немец – не понятно.

Как в официальных документах, так и в воспоминаниях очевидцев отмечается, что некоторые «мирные» жители убивали одиночных солдат, стреляя им в спины. Это могли быть как одиночные патриотически-настроенные граждане, так и (что более вероятно) немецкие патрули и соединения ландштурма, которые, пользуясь пособничеством местного населения, нападали на русские войска, устраивали засады. Также, как отмечал командир 1-й кавалерийской дивизии генерал В.И. Гурко: «С первых дней кампании нам стало ясно, что противник использует для сбора разведывательной информации все мыслимые способы... Вступив на германскую территорию, мы очень скоро обнаружили, что враг использует для сбора информации местных жителей, в первую очередь – мальчишек школьного возраста, которые во время движения наших частей появлялись на велосипедах у них перед фронтом и на флангах. Первое время мы не обращали на них внимания – до тех пор, пока обстоятельства совершенно ясно не показали нам, ради чего раскатывают вокруг нас эти велосипедисты. Тогда мы были вынуждены отдать приказ открывать по юным самокатчикам

³² Восточно-Прусская операция: сборник документов. М.: Воениздат, 1939. С. 559-560.

³³ Торнер Г. Отель переживает мировую войну. «Надровия». Черняховск, 2003. № 3. С. 34.

³⁴ Головин Н.Н. Из кампании 1914 г. на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага, 1926. С. 340.

огонь (что давало немцам возможность заявлять, будто русские солдаты расстреливали детей – П.К.). Метод передачи информации о наших перемещениях при помощи поджогов я уже упоминал (немцы поджигали стога сена и различные хозяйственные постройки на пути движения русских войск – П.К.). Несколько раз мы ловили германских солдат, переодетых крестьянами или даже женщинами»³⁵. А полковник В.Е. Желондковский (офицер 1-й батареи 6-й артиллерийской бригады 15-го корпуса 2-й армии) писал, о том, как сразу же после перехода границы командир батареи пришел в ярость: «Что за безобразие, какие-то немцы шляются вдоль колонны. Наверное считают пушки и солдат. Разведчики, гоните их от колонны. Пошли вон отсюда». Оба немца побежали в сторону прямо по целине, закрывая руками головы от сыпавшихся на них ударов нагаек. Через несколько шагов отошедший в картофельное поле солдат нашел 2 велосипеда, а около них 2 винтовки и патроны в сумках. «Вот видите, что это за немцы, и, почему мы их не арестовали», сокрушался мой командир»³⁶. Думаю, впоследствии он старался не допускать таких оплошностей.

Таким образом, можно заключить, что в основе поведения немецкого населения лежал страх за собственную жизнь, недоверие к противнику и ненависть к нему, усиленные как активной пропагандой, так и традиционными предубеждениями. Потому многие бежали, спасаясь от вражеских «полчищ». Поведение оставшихся преследовало несколько целей: с одной стороны, минимизировать возможные потери от мародерства и насилия, с другой, оказать тайное сопротивление (его методы были описаны выше), надеясь, что успехи русских армий не будут долгими. Конечно, вскоре выяснилось, что «не так страшен русский, как его малюют», и в некоторых городах устанавливалась более-менее спокойная мирная жизнь, однако страх по поводу непредсказуемости оккупантов сохранялся, и ни о какой доверии речи идти не могло.

Борьба с немецким сопротивлением

Враждебное поведение немецких граждан лишь озлобляло русских нижних чинов и офицеров, взаимное недоверие лишь накаляло ситуацию, что приводило не только к ответным карательным операциям, но и, полагаю, к различным эксцессам. В донесении в штаб фронта 25 (12) августа П.К. фон Ренненкамф отмечал, что «...поступают редкие донесения одиночных выстрелах из селений по войскам. Все селения, откуда стреляют, сжигаются, о чем население оповещено»³⁷. К примеру, в районе Хайнрихсвальде³⁸ немецкий

³⁵ Гурко В.И. Война и революция в России. М., 2007. С. 48.

³⁶ Желондковский В.Е. Воспоминания полк. Желондковского об участии в действиях XV корпуса во время операции армии ген. Самсонова «Военный сборник». Белград, 1925. № 7. С. 272.

³⁷ См.: Восточно-прусская операция: сборник документов. М.: Воениздат, 1939. С. 219.

³⁸ Ныне г. Славск Калининградской области.

патруль убил несколько гусар и расстрелял ротмистра, за что русские войска подожгли вокзал и два хозяйства возле Британиен.

Впрочем, оккупантов также трудно обвинять в излишнем доверии. Живший в Инстербурге О. Хаген утверждал, что: «повсюду русским чудились предательство, саботаж и шпионаж»³⁹. Солдаты и офицеры зачастую подозрительно (как видно, не без основания) относились к оставшимся обывателям, боясь получить пулю в спину (некоторые ее все равно получали...), нередко видели во всех шпионов, хотя находили и реальных вражеских разведчиков. Начальник 29-й пехотной дивизии (1-я армия) А.Н. Розеншильд-Паулин в воспоминаниях писал о д. Поппендорф (располагавшейся близ р. Деймы), куда он вместе со штабом перебрался 27 (14) августа: «Часть жителей дер. Поппендорфа и окрестных деревень остались на местах и, как все говорили, занимались шпионажем, сигнализацией и вообще были очень подозрительны. В одной из деревень близ самой позиции поймали собаку, у которой под шерстью была намотана телефонная проволока. В ночь с 17-го на 18-ое августа, когда немцы бомбардировали нашу позицию, за самым расположением штаба дивизии, внезапно загорелся огромный стог сена и в направлении к нему пошли усиленные разрывы тяжелых снарядов»⁴⁰.

Однако случалось, что подозрения были излишними. Например, когда в деревню Сантопен вошли части 1-й кавалерийской дивизии, немцы открыли артиллерийский огонь. Один полковник встревожился его предельной точностью и спросил у нескольких стоящих рядом с церковью немцев, есть ли на колокольне германские наблюдатели. Клятвенным заверениям, что там никого нет, полковник не поверил и послал полкового трубача это разведать. Тот стал подниматься, как вдруг в колокольне послышался выстрел. Все решили, что наверху кто-то обнаружен. Полковник впал в бешенство и приказал расстрелять совравших обывателей Сантопена, что было произведено в исполнение немедленно. В это время спустился посланный рядовой и доложил, что там никого нет. Оказывается, он случайно нажал на спуск, когда поднимался наверх⁴¹. Этот случай как нельзя лучше иллюстрирует недоверие многих русских офицеров к немцам (в основном, думаю, к мужской части населения), которые, в свою очередь, также опасались нас. Хотя доверие выглядело бы глупостью....

Более трагический случай произошел в деревне Абшванген⁴². В ночь на 29 августа пробравшийся сюда немецкий отряд из Кенигсберга устроил засаду, закрыв выезд с площади возами с соломой, и обстрелял штабную машину кавалергардов (полк входил в

³⁹ Хаген О. Русские в Инстербурге. «Надровия». 2003. № 3. С. 12.

⁴⁰ Розеншильд-Паулин А. Из дневника и записок. Ген.-лейт. Розеншильд-Паулин (1914-16 гг.). «Военно-исторический вестник». 1956. № 8. С. 13.

⁴¹ См.: Литтауэр В. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911-1920. М., 2006. С. 152.

⁴² Ныне пос. Тишино Калининградской области.

состав 1-й гвардейской кавалерийской дивизии)⁴³. В результате погиб корнет Голынский, несколько человек были ранены, но им удалось скрыться. В ответ кавалергарды оцепили деревню и произвели массовый обыск. Всех, у кого нашли оружие, расстреляли, а их дома сожгли. В итоге пало 65 человек⁴⁴ в Абшвангене и 9 в соседних Алменхаузене и Ной-Вальдеке⁴⁵. Впоследствии в память о погибших были установлены специальные обелиски. Однако подобное поведение кавалергардов согласуется с приказом командующего 1-й армией генерала П.К. фон Ренненкампа.

Кроме того, при вступлении в населенный пункт и остановки на ночлег, чтобы обеспечить себе безопасность, русские брали заложников. Эта мера применялась и в ответ на убийства. Так, по воспоминаниям немки Бетти Клаус, в Хайнрихсвальде за расправу над солдатом (его преследовали на велосипедах и застрелили) ротмистр собрал на площади 100 жителей города и пригрозил их наказать, если не будет выдан убийца. Пастор Мертенс через переводчика уговорил отпустить женщин и детей, но ротмистр стоял на своем и даже обещал повесить двух мужчин. Кровопролития удалось избежать: один немец, учитель Грау, попытался взять на себя вину. Русский офицер, удивленный храбростью немца, отпустил его. Но все же 31 человека били кнутом⁴⁶.

Приказы об ответных карательных рейдах в общей массе нельзя назвать варварскими, однако полностью оправдывать их тоже не стоит (особенно случай в Абшвангене). Подобным образом поступали все армии мира во все времена. Судите сами: военное время, неприятельский город (или деревня) оккупирован, в нем гремят какие-то выстрелы, несмотря на приказ сдать оружие. Что же делать? Вот именно. Довольно сложно воевать, имея в тылах недоброжелательно настроенное население. Из выше приведенных случаев видно, что опасения офицеров были абсолютно не напрасны, а потому приходилось быть жестким по отношению к мирным гражданам. Конечно, случались и досадные ошибки, и перегибы, как в том же Сантопене, оплаченные кровью невинных людей. Но война есть война. Согласитесь, грань между «строгой дисциплиной» и жестокостью довольно прозрачна. Труднее оценить эффективность действий русских войск. На дальнейших примерах будет видно, что в ряде городов удавалось установить стабильные оккупационные режимы, однако полностью прекратить эксцессы и заставить немцев подчиняться так и не получилось.

Если в августе-сентябре командование 1-й армией (да и 2-й тоже) в меньшей степени озадачивало себя проблемой выстраивания отношений с местным населением, то осенью

⁴³ См.: *Звегинцов В.Н.* Кавалергарды в великую и гражданскую войну. 1914-1920 год. Таллин, 1936. С. 67.

⁴⁴ Приходилось встречать цифру и в 61, и в 47 погибших.

⁴⁵ *Debnen M., Raschdorff W.* Heldenfriedhofe in Ostpreußen. Königsberg, 1939. S. 26; Восточно-Прусская операция: сборник документов. М., 1939. С. 227; *Звегинцов В.Н.* Кавалергарды в великую и гражданскую войну. 1914-1920 год. Таллин, 1936. С. 67.

⁴⁶ *Кенть В.* Русские войска в Хайнрихсвальде в 1914 году // Славские новости. 1995. 17 окт. С. 3.

1914 г. русские офицеры не желали повторять подобную ошибку. В середине ноября командующий 10-й армии генерал Ф.В. Сиверс издал подробный приказ, в котором регламентировались действия русских частей с учетом уже имевшегося опыта. В нем в частности говорилось:

«1. Ввиду явно враждебного к нам отношения немецкого и еврейского населения, удалять всех жителей немцев и евреев мужского полка рабочего возраста вслед за отступающим неприятелем;

2. Тщательно осматривать госпитали больницы, поручая это дело офицерам, объявлять военнопленными всех находящихся там здоровых и отправлять их немедленно в тыл;

3. Брать в крупных населенных пунктах заложников из числа наиболее зажиточных почетных жителей немцев, объявляя им и местному населению, что заложники отвечают жизнью за всякое проявление враждебности к нашим войскам

4. За малейшее проявление враждебности местных жителей к нашим войскам налагать чувствительные контрибуции властью старших начальников до начальников дивизий включительно

5. Принимать меры предосторожности в ограждение себя от присущего германцам вероломства (обыски, осмотры погребов и печей, воспрещение выхода из домов от наступления темноты до рассвета, недопущение выезда и въезда в населенные пункты, воспрещение работать в поле и лесу)

6. За выдачу жителями скрытых станций радиотелеграфа, подземных проводов, телефонов, стоянок воздухоплавательных аппаратов немедленно выдавать крупные денежные награды за счет взыскиваемых контрибуций

7. В самой широкой мере применять административную войсковую реквизиции, преследуя мародерство со всею строгостью закона

8. Излишек собранных или обнаруженных в складах запасов выводить в Россию...

10. Имущество частных лиц, проявивших враждебные действия против нас уничтожать немедленно

11. Всякое казенное имущество... если его нельзя вывести, уничтожать или приводить в полную негодность»⁴⁷.

В целом, стоит признать: здесь предписывались во многом те же самые меры, которые предпринимались войсками ранее. Другое дело – отношение к противнику стало жестче, и причина тут, кажется, кроется не только в порою печальном опыте общения с пруссаками в течение первого месяца войны и озлобленности за августовские поражения, но и в общем падении уровня дисциплины в позиционный период войны. Впрочем, осенью

⁴⁷ РГВИА Ф. 2144 Оп. 2. Д. 1.

русские войска заняли достаточно небольшую часть Восточной Пруссии и в меньшей степени контактировали с обывателями, подавляющее число которых бежало, боясь повторения русской оккупации.

Гумбиннен, Инстербург и Тильзит как примеры русской оккупации

Для того чтобы лучше разобраться в сложившихся взаимоотношениях между русскими военными и немецкими обывателями, следует подробнее рассмотреть жизнь в отдельных городах Восточной Пруссии, попавших под русскую оккупацию. Начнем с уже упомянутого Гумбиннена.

По воспоминаниям очевидицы, вечером 19 августа все население собралось в старгородской кирхе, где была проведена последняя служба. В сам Гумбиннен русские вошли 23 августа (по другим сведениям – 20-го). Многие жители спешно покинули город, бросая телеги с пожитками. На столах в некоторых домах даже оставался недоеденный обед. Все бежали в сторону Инстербурга и Кенигсберга, веря слухам о жестокости врага. Один обыватель вспоминал: «Дорога была забита людьми, среди них – стада скота, нельзя было разобрать, где военные, где мирные жители»⁴⁸.

«В Гумбиннене царил беспорядок», – заключила приехавшая в город в конце августа сестра милосердия великая княжна Мария Павловна, кузина императора Николая II. «Внешне немногие дома пострадали; на первый взгляд аккуратные немецкие кирпичные строения казались чистыми и нетронутыми. Но внутри все было иначе: не было ни одной неразграбленной квартиры. Покосившиеся двери были раскрыты, замки взломаны, посудные шкафы зияли пустотой, одежда разбросана по полу, глиняная посуда и зеркала лежали разбитыми, мебель перевернута и проткнута штыками»⁴⁹. Не нужно забывать, что жители покидали город в спешке и вряд ли оставляли свои квартиры в полном порядке.

Солдаты с любопытством рассматривали и присваивали валявшееся на улицах вещи (иногда совсем ненужные предметы). Даже кузина императора взяла новенький кофейник и довольно долго пользовалась им.

Губернатором города был назначен преподаватель местной гимназии профессор Мюллер. В 1915 г. он выпустил книгу «Три недели русского правления в Гумбиннене», где отмечал, что русские войска вели себя дисциплинированно, мягко относились к немногим оставшимся горожанам⁵⁰. Немцы ожидали увидеть настоящих зверей, поэтому неудивительно, что, столкнувшись с врагом в действительности, гумбинненцы почувствовали разницу между рисуемым пропагандой и реальным образом русского солдата.

⁴⁸ Иванов А. Гумбиннен – Гусев. Калининград, 2000. С. 73.

⁴⁹ Романов М.П. Воспоминания великой княжны. М., 2007. С. 173.

⁵⁰ См.: Епанчин Н.А. На службе у трех императоров. М., 1996. С. 409.

Во время оккупации в городе были открыты магазины, выручку от которых Мюллер хранил у себя, чтобы вернуть законным владельцам, собрался магистрат, и появились новые полицейские, которым предписывалось следить за порядком⁵¹.

Следующий город, о котором пойдет речь, – Инстербург⁵². О первых разъездах, появившихся здесь, писал в воспоминаниях владелец отеля «Дессауэр Хоф» Г. Торнер: «В понедельник, 24 августа, около 8 часов утра, в город вступили первые казачьи патрули. Держа карабины наизготовку на коленях, они опасно всматривались в дома в страхе, что в них начнут стрелять»⁵³.

Уже на следующий день губернатором города назначили доктора М. Бирфройнда. Был организован специальный «отряд самообороны», которому без оружия предписывалось следить за порядком. Вскоре, насколько оказалось возможным, наладили работу местной администрации. Кроме того, как вспоминал член управления города Отто Хаген: «Чтобы обеспечить безопасность русских, потребовали выставить заложников, сначала это было 3 человека, потом их число заметно возросло. Эти заложники жили в ратуше взаперти, менялись каждые 24 часа и гарантировали своей жизнью лояльность населения»⁵⁴.

О первых впечатлениях от Инстербурга писал офицер штаба 1-й армии П.А Аккерман: «Очень красиво и благоустроено, масса зелени. Отличные постройки; особенно ласкает глаза масса изящнейших особняков по улице, на которой мы живем. Кое-какие магазины открыты; цены не дешевые, но многие купцы, видимо, выехали. Вообще, город кажется будто вымершим, хотя чувствуется, что это только извне. За наглухо спущенными шторами и даже железными решетками жалюзи есть жизнь...»⁵⁵. С другой стороны, офицер А. Невзоров, вступивший вместе со своей ротой в город 24 августа, писал, что «в Инстербурге осталось много жителей, которые высыпали на улицу при нашем входе... когда мы шли по главной улице, то какие-то жители немцы разбили большое окно магазина и оттуда стали приносить нам пиво, шоколад, печенье и еще что-то, не забывая, при этом и себя. К себе тащили все. Впоследствии, ограбление этого магазина было приписано «русским дикарям», хотя у нас ни один солдат не вышел из строя при прохождении города»⁵⁶.

«Русские солдаты, – отмечал Отто Хаген, – вели себя преимущественно дисциплинированно, после того как несколько мародеров в первые дни были приговорены главнокомандующим к расстрелу»⁵⁷. Порядок в городе держался именно на генерале П.К.

⁵¹ *Адамов Б.* Краеведческие конференции, круглые столы и слеты (2004-2006) // Калининградские архивы: Материалы и исследования. Науч. сб. Калининград, 2007. В. 7. С. 230.

⁵² Ныне г. Черняховск Калининградской области.

⁵³ *Торнер Г.* Отель переживает мировую войну. «Надровия». Черняховск, 2003. № 3. С. 21.

⁵⁴ *Хаген О.* Русские в Инстербурге. «Надровия». 2003. № 3. С. 10.

⁵⁵ Цит. по: *Аккерман П.* Месяц в штабе армии. «Голос минувшего». 1917. № 9-10. С. 317.

⁵⁶ *Невзоров А.* Начало первой Великой войны 1914 года. «Военная быль». 1966. № 79. С. 5.

⁵⁷ *Хаген О.* Русские в Инстербурге. «Надровия». 2003. № 3. С. 10.

фон Ренненкампфе, чей штаб вскоре разместился здесь. Уже 27 августа вышел приказ, согласно которому «всем лицам, занимающимся каким-либо ремеслом, а особенно тем, кто производит продукты питания, еще раз предлагается открыть свои предприятия и работать при любых обстоятельствах... Лавки, которые после публикации этого распоряжения будут обнаружены закрытыми, будут немедленно официально открыты, и продажа товаров будет производиться членами городской обороны»⁵⁸.

Затем последовало распоряжение, чтобы 1 рубль принимался по курсу в 2,5 марки (впоследствии курс был понижен до 2,00 марок)⁵⁹, магазины работали с 8 до 18 ч., а цены на товар не превышали те, которые существовали до прихода русских войск⁶⁰. Последнее оказалось необходимым: даже П.А. Аккерман отмечал, что в городе все дорого, и, наверное, немалую роль в этом сыграли спекулянты взвинтившие цены. Новые власти заботились и о пропитании местного населения. Согласно имеющимся сведениям, во дворе бойни бесплатно раздавалось мясо⁶¹. Однако одновременно проводились реквизиции для нужд армии.

В Инстербурге текла фактически нормальная жизнь, по крайней мере, насколько таковая возможна в военное время. Кавалергард В.Н. Звегинцов, побывавший здесь в начале сентября, впоследствии вспоминал: «Город был в полном порядке. Гостиницы, рестораны и большинство магазинов были открыты и бойко торговали...»⁶². В мемуарах вл. кн. Марии Павловны о жизни в Инстербурге говорится как о вполне спокойной: «Несколько магазинов располагалось на городской площади, недалеко от нашего госпиталя. Вокруг концентрировалась жизнь Инстербурга. ...площадь была заполнена народом, как обычно. Там и сям стояли телеги, прогуливались офицеры, проезжали конные ординарцы»⁶³. Любопытно, что в отеле «Дессауэр хоф», где располагался штаб 1-й армии, за обслуживание в ресторане офицеры должны были не только платить, но и давать чаевые. Согласно воспоминаниям Г. Торнера, офицеры русского генерального штаба называли Инстербург городом цветов⁶⁴.

А 5 сентября здесь прошел парад русской гвардии. В нем участвовала одна кавалерийская бригада, которая убыла с фронта, чтобы вступить в распоряжение коменданта крепости Ковно. Как писал очевидец В.Н. Звегинцов: «Много народа собралось вокруг посмотреть на невиданное зрелище. Раздалась команда. Под звуки полковых маршей

⁵⁸ См.: Кассина Т., Сечкин Д. Инстербург, август четырнадцатого. «Надровия». 2003. № 3. С. 16.

⁵⁹ Кассина Т., Сечкин Д. Инстербург, август четырнадцатого. «Надровия». 2003. № 3. С. 17. Отметим, что официальный обменный курс устанавливался приказом Верховного Главнокомандующего.

⁶⁰ Кретинин Г. Август четырнадцатого. «Очерки истории Восточной Пруссии». Калининград, 2002. С. 358.

⁶¹ См.: Кассина Т., Сечкин Д. Инстербург, август четырнадцатого. «Надровия». 2003. № 3. С. 15.

⁶² Звегинцов В.Н. Кавалергарды в великую и гражданскую войну. 1914-1920 год. Таллин, 1936. С. 73.

⁶³ Романов М.П. Воспоминания великой княжны. М., 2007. С. 175.

⁶⁴ См.: Торнер Г. Отель переживает мировую войну. «Надровия». Черняховск, 2003. № 3. С. 23.

генерал-от-кавалерии фон Ренненкампф обходил строй, здоровался с полками и благодарил их за боевую работу. По окончании молебна перед строем были вызваны представленные к Георгиевским крестам и медалям Кавалергарды и Конногвардейцы и командующий армией Именем Государя Императора роздал первые боевые награды. По окончании церемониального марша, полки разошлись по квартирам под звук трубачей и вызванных песенников»⁶⁵.

Г. Торнер позднее вспоминал: «Во время этого марша я стоял с Хасфордтом на входе в отель и спросил его, что Ренненкампф прокричал солдатам, на что Хасфордт ответил: «Пруссия разбита! Вперед на Кенигсберг!». Вскоре после этого всем офицерам было приказано собраться в ресторане отеля, где Ренненкампф зачитал им телеграммы о больших успехах в борьбе с немцами, в ответ на что все разразились восторженными криками «Ура»⁶⁶.

Здесь Г. Торнер или Хасфордт путает: успехи были в борьбе не с немцами, а с австрийцами. Командующий 1-й армией прекрасно знал о разгроме войск Самсонова. Что касается «Вперед на Кенигсберг!», то П.К. фон Ренненкампф еще накануне писал командующему фронтом Я.Г. Жилинскому о том, что после успехов в Галиции необходимо перейти в наступление⁶⁷. В данном контексте командующий 1-й армией на параде, скорее всего, имел в виду, что Пруссия в итоге будет разбита, а русские войска обязательно войдут в Кенигсберг. К сожалению, это так и осталось красивыми словами...

Тем не менее, оккупационная жизнь в Инстербурге вряд ли походила на идиллию. Тот же П.А. Аккерман отмечал, что «особенно угнетающе действует все то же отсутствие воды и света»⁶⁸. Водокачка была выведена из строя при отходе самими германцами, попытки же 28 августа ее отремонтировать обернулись взрывом и гибелью семи немцев, а также смертью одного и ранением двух русских. Через несколько дней водокачку не на полную мощность все же удалось запустить.

Во взаимоотношениях с населением тоже не все складывалось гладко. Опасный случай произошел 7 сентября, когда в одном из домов прозвучал выстрел. На следующий день появился приказ: «Прогремит выстрел из какого-либо дома, будет сожжен дом; прогремит еще один выстрел, будут сожжены все дома на улице; прогремит третий выстрел, будет сожжен весь город»⁶⁹. Эти меры кому-то могут показаться слишком строгими, но они были вынужденными и, как видно, действенными (выстрелы больше не звучали), и ни в коем

⁶⁵ Звезгинцов В.Н. Кавалергарды в великую и гражданскую войну. 1914-1920 год. Таллин, 1936. С. 74.

⁶⁶ Торнер Г. Отель переживает мировую войну. «Надровия». Черняховск, 2003. № 3. С. 34.

⁶⁷ См.: Восточно-Прусская операция: сборник документов. М., 1939. С. 332.

⁶⁸ Цит. по: Аккерман П. Месяц в штабе армии. «Голос минувшего». 1917. № 9-10. С. 319.

⁶⁹ Кретинин Г. Август четырнадцатого. «Очерки истории Восточной Пруссии». Калининград, 2002. С. 358.

случае не следует считать подобное зверством: любая неосмотрительность могла стоить П.К. фон Ренненкампу жизни. Впрочем, штаб 1-й армии охраняли надежно.

Здание отеля «Дессауэр Хоф», где тот размещался, окружала цепь часовых. Г. Торнер рассказывал в воспоминаниях: «...Я получил четкий приказ лично сообщить магистрату, что никто не имеет права передвигаться в зоне оцепления вокруг моего отеля. Вследствие этого Хасфордту и мне приходилось следить за тем, чтобы приводить в отель подсобных рабочих, когда они подходили к часовым. Однако при непрерывной работе в отеле не всегда было возможно вовремя забирать моих людей. Поэтому временами часть людей, иногда до половины, не пропускали через оцепление»⁷⁰. Попытки добиться от русского командования выдачи пропусков ни к чему не привели. Личный адъютант командующего армией фон Герберль, если верить Г. Торнеру, согласился на выдачу только четырех пропусков, объясняя это личной ответственности в случае каких-либо происшествий.

Думаю, следует остановиться подробнее на пребывании в «Дессауэр хоф» штаба 1-й армии. Как вспоминал Г. Торнер: «Поначалу в моем отеле все шло гладко. Обслуживать из-за недостатка квалифицированного персонала было сложно, тем более что отель был занят сверху донизу»⁷¹. Завтрак подавался уже в 6 часов утра. Сам Г. Торнер обслуживал командующего армией, его узкое окружение и буфет. Остальных кормила специальная русская кухня. Ресторан в отеле работал не до 24 ч., как того требовал П.К. фон Ренненкамф, а дольше, до 2-3 ночи, т.к. многие офицеры подолгу засиживались, беседуя и попивая шампанское. Говоря о питании, Г. Торнер отмечал: «Крестьяне поставляли все, что было возможно, так что в магазинах хватало мяса, птицы и масла, и очень дешево. Русские даже подвозили мясо прямо в отель, так что и мой персонал был накормлен.... Я также закупил много консервов, которые отдавались большей частью даже ниже закупочной цены. Не было только сахара и копченого окорока»⁷².

Но запросы оккупантов этим не ограничивались. Владелец отеля вспоминал: «Вскоре... мне сообщили, что командование войсками считает нежелательными офицерские попойки и я должен это учесть. Я оказался перед большой дилеммой, потому что офицеры потребовали от меня даже того, чтобы их обслуживали дамы. Чтобы избежать бесконечных приставаний по этому поводу, в один прекрасный день я выполнил их пожелание. Дамы как раз приступили к своей работе, когда в ресторане появился Ренненкамф. Они подошли и к нему, чтобы спросить, не желает ли он чего-нибудь. Но едва генерал услышал, что дамы взяли обслуживание на себя, он накричал на них: «Что? Бабское обслуживание? Пошли вон!»⁷³. Тему «дамского обслуживания» не опустил в воспоминаниях и П.А. Аккерман: «Я

⁷⁰ Торнер Г. Отель переживает мировую войну. «Надровия». Черняховск, 2003. № 3. С. 25.

⁷¹ Торнер Г. Отель переживает мировую войну. «Надровия». Черняховск, 2003. № 3. С. 23.

⁷² Торнер Г. Отель переживает мировую войну. «Надровия». Черняховск, 2003. № 3. С. 24.

⁷³ Торнер Г. Отель переживает мировую войну. «Надровия». Черняховск, 2003. № 3. С. 31.

думаю, не буду далек от истины, если скажу, что как горничные они были очень плохи, и почти убежден, что такого рода службу им пришлось нести впервые... Непосредственно вслед за появлением этого элемента по всему зданию гостиницы пошли разговоры: пикантно-фривольный обмен впечатлений и изложение разных ощущений в устах одних и слово осуждения у других. Нет надобности и говорить, я думаю, что штабные остались при денщиках, а услугами горничных, и притом самыми разнообразными, пользовалась исключительно свита генерала, как говорили, не только низшие – молодые, но и люди более высоких чинов и почтенного возраста»⁷⁴.

Нельзя не упомянуть про ряд случаев, когда денщики воровали еду с кухни, а официанты, чьи нервы были взвинчены до предела, препирались с русскими из-за их наглости. Однажды во время подобной ссоры одного немца из членов персонала депортировали в Россию за оскорбление офицеров. Понятно, что жили германцы в постоянном страхе (как и по всей оккупированной территории), боясь вызвать немилость у «непредсказуемых» русских, но, в общем, следует признать: отношение к обслуге было достаточно мягким. Тот же Г. Торнер вспоминал, что его и помощника Хасфордта русские офицеры часто приглашали вместе выпить: «придя в хорошее расположение духа, они уверяли, что не виноваты в том, что идет война, и что они только вынужденно ведут войну с нами... Некоторые из русских офицеров тоже были очень доверчивы. Они рассказывали мне о своих поместьях в России»⁷⁵. Во время отхода из Восточной Пруссии в сентябре 1914 г. П.К. фон Ренненкампф, предполагая вернуться через две недели, так и не заплатил владельцу «Дессауэр хоф» за обслуживание.

Русские войска покинули город 11 сентября⁷⁶. Ближе к вечеру здесь появились первые германские разъезды. Впоследствии в мемуарах начальник штаба 8-й немецкой армии генерал Э. Людендорф признал: «В августе и сентябре многие русские части вели себя при вторжении в Восточную Пруссию образцово. Винные погреба и склады охранялись. Ренненкампф поддерживал в Инстербурге строгую дисциплину»⁷⁷.

А что же в это время происходило в таком восточнопрусском городе, как Тильзит⁷⁸? Первый конный отряд кирасиров Ее Величества под командованием штабс-ротмистра Чебышева появился здесь 23 августа⁷⁹, другой – вошел в город на следующий день. Это, скорее всего, был разъезд 3-го эскадрона Кавалергардского полка, возглавляемый

⁷⁴ Аккерман П.А. Месяц в штабе армии. «Голос минувшего». 1917. № 9-10. С. 320.

⁷⁵ Торнер Г. Отель переживает мировую войну. «Надровия». Черняховск, 2003. № 3. С. 30.

⁷⁶ Чебуркин Н. Инстербургский парад. «Балтийский альманах». Калининград, 2002. № 3. С. 22.

⁷⁷ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. М.-Минск, 2005. С. 71.

⁷⁸ Ныне г. Советск Калининградской области, тот самый город, где в 1807 г. был подписан знаменитый мирный договор между.

⁷⁹ Рубец И.Ф. Конные атаки Российской Императорской Кавалерии в первую мировую войну. «Военная быль». Париж, 1964. № 68. С. 16.

поручиком флигель-адъютантом князем К.А. Багратионом-Мухраниским⁸⁰. Он встретился с обербургомистром Полем и бургомистром Роде с требованием предоставить овса лошадям и несколько сортов сыра. А 25 августа, согласно донесению П.К. фон Ренненкампа в штаб фронта: «вечером Тильзит вошла пограничная стража, мосты целы, захвачены телеграфные, телефонные аппараты, корреспонденция. Приказал пограничникам охранять мосты до прихода полка 53-й дивизии»⁸¹. Полностью город оккупировали 26 августа. Жители встретили неприятеля мирно. Комендант полковник Богданов⁸² прибыл сюда через два дня. Согласно военному положению выход из домов после 9 часов вечера запрещался. На город наложили контрибуцию в размере 50 000 марок. Сельскому населению разрешалось въезжать и выезжать из Тильзита. Также новые власти пытались бороться с пьянством: запрещалось отпускать спиртное русским унтер-офицерам и солдатам. О любых злоупотреблениях с их стороны следовало докладывать коменданту. Интересно, с пьянством старались бороться по всей оккупированной территории. Например, после того, как 9 августа русские заняли Ширвиндт, одним из первых стал приказ разбить все бутылки с вином⁸³.

Попутно заметим, что не во всех городах удавалось успеть уничтожить спиртное или вовремя взять винные погреба под охрану. В Сольдау, например, как писал З.Г. Френкель: «Большинство магазинов на главных улицах были раскрыты и разбиты. Всюду люди запасались вином, утоляли жажду пивом. Кое-где уже встречались пьяные... Вечером... я стал свидетелем неожиданной сцены. Когда в 9 часов вечера по обычному сигналу трубача солдаты собирались на вечернюю молитву и последовала команда снять шапки, в нескольких местах слышались брань, пьяные возгласы. Солдаты оставались в шапках. Было немало пьяных»⁸⁴. Но вернемся к рассказу об оккупационном режиме в Тильзите.

В городе были открыты школы, работали рестораны, кафе, торговали в магазинах и на базаре. Любопытен приказ, согласно которому «с учетом мирного поведения населения» курс рубля снижался с 2,86 до 2,50 марок, при том что марка равнялась примерно 47 копейкам⁸⁵. Уже цитировавшийся выше П.А. Аккерман вспоминал, что, когда он приехал в

⁸⁰ См.: *Звегинцов В.Н.* Кавалергарды в великую и гражданскую войну. 1914-1920 год. Таллин, 1936. С. 60. Кстати, князь был мужем княгини Татьяны Константиновны Романовой, дочери великого князя Константина Константиновича (известного поэта К.Р.). Любопытно, что он приходится внучатым племянником императору Александру I, который в 1807 г. заключил в этом самом городе известный Тильзитский мир.

⁸¹ См.: Восточно-Прусская операция: сборник документов. М.: Воениздат, 1939. С. 222.

⁸² Восточно-Прусская операция: сборник документов. М.: Воениздат, 1939. С. 354. Хотя в некоторых краеведческих статьях Богданова, видно по ошибке, называют подполковником.

⁸³ *Великий князь Гавриил Константинович.* В мраморном дворце. М., 2001. С. 224.

⁸⁴ *Френкель З.Г.* Записки о жизненном пути. «Вопросы истории». 2007. № 1. С. 83, 84.

⁸⁵ См.: *Шпылева А.* Осень четырнадцатого. «Вестник». Советск, 1995. 12 янв.

Тильзит в первый раз, ему показалось, будто город занят немцами: «Масса публики⁸⁶; магазины все открыты; трамвай в полном ходу. Ни одного военного нашего не встретилось пока... Как-то от сердца отлегло, когда на площади... мы чуть не попав под трамвай, – налетели на взвод пограничной стражи»⁸⁷. Следует признать: оккупационный режим установился довольно мягкий, а культуру русских офицеров отмечали многие обыватели. Хотя были и свои «шероховатости» в отношениях с мирными гражданами. К примеру, полковник Богданов приказал сдать велосипеды под страхом военно-полевого суда⁸⁸. Но чтобы понять смысл этого распоряжения, вспомним описанный выше случай, когда около Хайнрихсвальде, кстати, находящегося поблизости от Тильзита, неизвестные на велосипедах убили русского солдата, или же рассказ В.И. Гурко о самокатчиках⁸⁹, шпионивших за войсками.

13 сентября отступавшие через город части 270-го пехотного полка были здесь окружены. Причем вечером кто-то ударил в набат и сами жители – до того приветливые и добродушные – стали обстреливать русских солдат⁹⁰. Некоторым удалось прорваться, однако большинство либо героически погибли, либо попало в плен. Павших похоронили на «Лесном кладбище»⁹¹, которое являлось одним из самых крупных захоронений времен Первой мировой войны в Восточной Пруссии⁹².

Часть 2

Вандализм и мародерство

Однако далеко не везде оккупация и отношение к мирным жителям были такими мягким, а в городах царил порядок. Яркое описание разграбленной квартиры в Маркграбове во время осеннего наступления приводил в воспоминаниях русский офицер Б.Н. Сергеевский: «В чудной гостиной стенные часы расколоты на двое; бывшим там терракотовым статуэткам отрублены головы. Но самое безобразное – на поэтичном голубом ковре с ласточками пять погромщиков, творивших это безобразие, оставили свидетельство своего абсолютного хамства... Было бы слишком тяжело для национального самолюбия предавать этот факт гласности, если бы в памяти не сохранилось и другого воспоминания: во время своего сентябрьского пребывания в Сувалках, германцы

⁸⁶ Хотя все же многие жители покинули город. См. *Игнатов Г.* В годы первой мировой «Вестник». Советск, 2002. 9 июля. С. 3.

⁸⁷ *Аккерман П.* Месяц в штабе армии. «Голос минувшего». 1917. № 9-10. С. 330-331.

⁸⁸ См.: *Адамов Б.* Первой мировой посвящается... «Гражданин». 1996. 22-28 авг.

⁸⁹ Самокатами (или бициклетами) тогда называли велосипеды с колесами одного диаметра. См.: *Беловинский Л.В.* Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа. М., 2007. С. 80.

⁹⁰ См. подробнее: *Пахалюк К.* Русские в Тильзите в 1914 г. «Рейтар». 2010. № 2.

⁹¹ *Игнатов Г.* Указ. соч. С. 3. Помимо погибших (русских и немцев) 13 сентября, здесь впоследствии хоронили и пленных, умерших во время пребывания в военном лазарете в Тильзите.

⁹² См.: *Пахалюк К.* Восточная Пруссия, 1914-1915. Неизвестное об известном. Калининград, 2008. С. 116

пользовались, как отхожим местом, нашей красивой военной церковью...»⁹³. Что ж, жестокость – на жестокость, неужели в этом есть что-то удивительное?

Сама Маркграбова, видимо, пострадавшая во время боя и покинутая жителями (удалось найти лишь нескольких женщин) после очередного взятия 6 ноября 1914 г., была полностью разграблена ночью за четыре часа одним из второочередных полков (303-й или 333-й). «Надо было совершенно озвереть тысячной толпе, чтобы произвести то, что было сделано в городе!», – ужасался очевидец Б.Н. Сергеевский⁹⁴. Впоследствии у финляндских стрелков, где он служил, стали ходить шутки по поводу этих частей, что подчеркивает отношение к мародерству (совершение противоправных действий далеко не всегда значит их оправдание на уровне нравственного идеала). Так, 333-й полк назывался «полужвериным» (своеобразная аллюзия на «звериное число» 666), а шутки про 303-й намекали на тогда очень известное лекарство из мышьяка для лечения сифилиса «606», изобретенное немецким ученым Эрлихом. Интересно, что, если верить мемуарам В.И. Гурко, еще в сентябре 1914 г., во время отступления 1-й армии из Восточной Пруссии в Маркграбове «царило полное спокойствие. Все магазины были открыты, и он сам (русский офицер, со слов которого и писал В.И. Гурко – П.К.) во время часового отдыха напился в одном из местных кафе превосходного кофе...»⁹⁵.

Также, например, в Велау⁹⁶, согласно краеведческим материалам, еще до прихода неприятельских войск начались грабежи. Когда вечером 25 августа здесь оказались первые разъезды конницы, то и они начали мародерствовать, впрочем, как и подошедшие затем пехотинцы. Русскому коменданту генералу Янсону и представителю местных властей Шеффлеру пришлось приложить немало усилий для борьбы с грабежами. Организовали даже специальную импровизированную полицию, на которую, правда, мало кто обращал внимание. Также издали указ о смертной казни всех мародерствующих. Кроме того, в Велау начались пожары, с которыми было очень трудно бороться. Но вместе с этим в городе постепенно налаживалась жизнь. В воскресенье уже работала церковь⁹⁷.

Пожары, конечно же, – явление нередкое, особенно во время боевых действий, но причины их возникновения разные. П.А. Аккерман, будучи участником осенних боев в Восточной Пруссии, вспоминал, что однажды в здании штаба дивизии в Гольдапе на первом этаже в магазине произошел пожар из-за того, что забравшиеся внутрь солдаты бросили незагашенный окурок⁹⁸. Также вспомним, что имели место случаи, когда местные жители

⁹³ Сергеевский Б.Н. Пережитое, 1914. Белград, 1933. С. 135-136.

⁹⁴ Сергеевский Б.Н. Пережитое, 1914. Белград, 1933. С. 130.

⁹⁵ Гурко В.И. Война и революция в России. М., 2007. С. 68.

⁹⁶ Ныне пос. Знаменск Калининградской области.

⁹⁷ См.: Карпов В. Велау в 1914 году. «Наша жизнь». 1994. 12 марта.

⁹⁸ Аккерман П. В штабе дивизии. «Голос минувшего». 1917. № 11-12. С. 305.

сами поджигали стога сена и различные хозяйственные постройки, чтобы указать своим месторасположение врага.

Говоря о разрушениях, приписываемых мародерам (а их из числа солдат все-таки было много), нельзя забывать, что многие города и селения пострадали во время боев от обстрела артиллерией (а не от «сибирских» варваров), в том числе и от немецкой. Но сводить все разрушения к этому не стоит.

Вызывает интерес и приказ П.К. фон Ренненкампа от 2 сентября (20 августа), отданный во время подготовки 1-й армии к обороне: «1. Тщательно выбрать позиции, основательно укрепиться, очистить перед позициями обстрел, сжечь для этого растительность и постройки. 2. Угнать весь скот и лошадей, находящихся перед фронтом. 3. Совершенно устранить доступ населению в занятый нами район, отгоняя все то, что до сего времени не прошло обратно назад».⁹⁹ В подобном можно видеть исключительно вынужденные военные меры - во время подготовки местности к обороне очень часто приходилось сносить те или иные сооружения, руководствуясь исключительно тактическими соображениями. Что касается скота, то «маленькая» подробность: многие стада в итоге были отогнаны прямо на территорию Российской Империи. П.А. Аккерман свидетельствовал: «...левый фланг армии, наиболее пострадавший, тем не менее умудрился пригнать, отходя спешно, от десяти до пятнадцати тысяч голов скота. Я своими глазами видел стада и не малые (голов до шестисот) типичных, белых с черными пятнами, голландок из Восточной Пруссии»¹⁰⁰.

Вообще, мародерство и вандализм – неотъемлемые спутники войны. Совсем не удивляют подобные выдержки из приказов: (10-я армия, ноябрь 1914 г.): «Замечено, что войска и обозы, проходящие через занятые нами в пределах Германии населенные пункты, грабят винные склады и напиваются». В первые же дни, когда начались бои, по воспоминаниям П.А. Аккермана, вещи буквально валялись на улицах Эйдткунена¹⁰¹. Солдаты брали их, считая себя вправе делать это. И здесь нечему удивляться. Даже вл. кн. Мария Павловна писала о пребывании в Гумбиннене: «Я сама подобрала новенький кофейник и гордо показывала его своим спутницам как свой трофей»¹⁰² (выделение мое – П.К.). И если о таких трофеях пишет кузина императора даже спустя много лет, что же говорить о простом солдате?

Многие из них забирались в дома или магазины со двора, грабили изнутри, а окна или витрины оставляли нетронутыми, чтобы сохранить видимость порядка. Ибо боялись командования, которое строго карало (или по крайней мере, старалось это делать в силу

⁹⁹ См.: Восточно-Прусская операция: сборник документов. М.: Воениздат, 1939. С. 346.

¹⁰⁰ Аккерман П. Месяц в штабе армии. «Голос минувшего». 1917. № 9-10. С. 347.

¹⁰¹ Ныне пос. Чернышевское Калининградской области и г. Вирбалис Литовской республики соответственно.

¹⁰² Романов М.П. Воспоминания великой княжны. М., 2007. С. 172.

возможностей) за мародерство. Особенно фон Ренненкампф. Все свидетели единодушны в том, что он жестко преследовал тех, кто занимался насилием или грабежом. Однажды генерал приказал расстрелять без суда и следствия 7 мародерствующих солдат. «За мародерство вешали, расстреливали и пороли, причем жестоко – по 100-200 ударов: для слабого организма почти смерть, да еще и мучительная», – вспоминал П.А. Аккерман, приводя несколько примеров. Одного солдата с унтер-офицерскими нашивками подвергли телесному наказанию за то, что он пытался унести валявшийся на улице Эйдткунена эмалированный кувшин стоимостью в 60 копеек¹⁰³. Подобный же образ командующего армией вырисовал и М.К. Лемке в своем дневнике, разбирая вопрос насилия и мародерства: «Ренненкампф вешал солдат, грозил, что и «впредь так будет поступлено с каждым, кто будет заниматься мародерством» (7 августа 1914 г.), расстреливал мародеров в присутствии всего гарнизона (10 августа 1914 г.), но так ничего добиться и не мог... Все эти меры скользили по верхам, а в глубине армии сидел вор и насильник»¹⁰⁴.

Не менее жестко пытался преследовать как мародеров, так и оказывающих сопротивление немецких граждан генерал А.В. Самсонов. Еще в одном из первых приказов от 7 августа (25 июля) он писал: «Предупреждаю, что я не допускаю никаких насилий над жителями. За все то, что берется от населения, должно быть полностью и справедливо уплачено»¹⁰⁵. Но в основном это оказалось не более чем «добрыми пожеланиями».

В донесении исполняющего должность генерала для поручений полковника А.М. Крымова¹⁰⁶ командующему 2-й армии от 23 (10) августа говорилось следующее: «Корпус двинулся, занял Нейденбург, бомбардировал его за то, что жители стреляли в казаков.... Часть жителей покинула, а часть осталась. Отнеслись очень спокойно. Когда я проезжал по улице, все кланялись, а поляки восторженно встречали.... При входе в город войск, были омерзительные случаи. Выбивали в пустых квартирах окна и грабили. Нужно издать приказ, чтобы за грабеж кого-нибудь расстреляли, *нужно, чтобы за войсками двигались полевые суды, иначе легко впадут в мародерство* (выделено мною – П.К.)»¹⁰⁷. Уже через два дня, 25 августа, А.В. Самсонов приказывал командирам корпусов: «Ввиду того, что население Восточной Пруссии вооружено и встречает войска огнем, наложите контрибуцию по вашему усмотрению на все города, занятые нами. Возьмите заложников, отправьте в ближайшую нашу крепость. Мародеров предавайте суду и при попытке бежать расстреливайте. Объявите жителям, что захваченные с оружием или при порче телеграфов будут

¹⁰³ Аккерман П. Месяц в штабе армии. «Голос минувшего». 1917. № 9-10. С. 316.

¹⁰⁴ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке 1914-1915 гг. Минск, 2003. С. 355.

¹⁰⁵ Восточно-Прусская операция: сборник документов. М.: Воениздат, 1939. С. 79.

¹⁰⁶ Полковник А.М. Крымов родился в 1871 г. В 1902 г. окончил академию Генерального штаба. Во время Первой мировой войны дослужился до генеральского звания. А летом 1917 г. командовал 3-м кавалерийским корпусом, который в августе участвовал в Корниловском мятеже. После провала похода на Петроград застрелился.

¹⁰⁷ Восточно-Прусская операция: сборник документов. М.: Воениздат, 1939. С. 260.

повешены»¹⁰⁸. Последний пункт был особенно важным: организация связи во 2-й армии оставляла желать лучшего, так что любая порча телеграфных проводов могла серьезно сказаться (естественно, не в лучшую сторону) на управлении войсками. Впрочем, через три дня 2-я армия попала в окружение, и русским было уже не до грабителей или контрибуций: самим бы унести ноги.

Необходимо указать на очень важное обстоятельство: в войсках А.В. Самсонова, подгоняемых вперед штабом фронта, уже через несколько дней после перехода границы начались проблемы со снабжением, поэтому многие части были вынуждены питаться «местными средствами».

Касаясь же упоминаемого в приведенном выше документе обстрела Нейденбурга, следует обратиться к воспоминаниям командира 15-го корпуса генерала Н.Н. Мартоса: «От разведки я получил сведение, что крайние дома города приведены в оборонительное положение, а входы в улицы города закрыты баррикадами, и что город обороняется пехотой с артиллерией. Конные и пехотные разведчики были обстреляны, причем ранено несколько человек. Я приостановил колонны корпуса и, не желая нести излишние потери, приказал открыть артиллерийский огонь.... Ответного... не последовало; от наших снарядов в городе начались пожары. Немецкая пехота оставила баррикады и амбразуры в окнах домов и прекратила стрельбу»¹⁰⁹.

Впоследствии командиру 15-го корпуса, попавшему в плен, попытались предъявить обвинения «в обстреливании не оборонявшихся населенных пунктов, в грабеже, в насилии над мирными жителями и особенно над женщинами и детьми»¹¹⁰. Началась травля генерала в газетах, где писали, будто бы он отдал приказ расстрелять все мужское население занимаемых местностей¹¹¹. Правда, из-за недоказанности обвинений (!) Н.Н. Мартоса вскоре освободили от суда. Сейчас, конечно, сложно говорить о том, что происходило в Нейденбурге. Но, что касается мародерства, ему вскоре, наверное, положили конец, если впоследствии главный пастор города отмечал порядок в русских войсках¹¹².

Рассматривая же проблему поведения нижних чинов в сельской местности, можно сказать с достаточной точностью: многие деревни были разорены. Если в городах беспорядкам старались быстро положить конец, то в отдельных селениях следить за дисциплиной было трудно и зачастую некому. Особо «отличились» казаки. Даже офицер

¹⁰⁸ Восточно-Прусская операция: сборник документов. М.: Воениздат, 1939. С. 516.

¹⁰⁹ Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 г. на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага, 1926. С. 195.

¹¹⁰ Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 г. на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага, 1926. С. 340.

¹¹¹ См.: Бостунич Г. Из вражеского плена. Очерк спасшегося. Прага, 1915. С. 129-131.

¹¹² Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 г. на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага, 1926. С. 340.

А.А. Успенский свидетельствовал об их разбоях: «меня поражала эта удивительная страсть казаков к разрушению. Часто, бывало, приходишь в немецкую усадьбу и, если раньше побывали здесь казаки, то находишь ужасные следы разрушения: разбитые двери, окна и зеркала, пианино, буфеты, разорванные картины на стенах, пропоротые пиками диваны, даже постели!»¹¹³. Но, так или иначе, не все деревни были разграблены, если в тех же Инстербурге и Тильзите имело смысл отдавать приказы о свободном входе в город крестьян. Да и А.А. Успенский отмечал, что «на наших глазах немцы исполняли свои полевые работы»¹¹⁴. Можно предположить, что обычно страдали хозяйства, оставленные владельцами.

Более всего мародерствовали обозники. Лейб-драгун А. Бендерский вспоминал: «Когда мы шли вперед и останавливались на отдых, или на ночевку в немецких домах, то, будь то богатый помещичий дом, или скромный домик крестьянина – всюду была полная чаша всякого добра и сыты были всегда по горло.... В домах чистота и аккуратность, посуды, белья, удобных постелей – сколько угодно! А теперь... После нас, когда мы шли вперед, шла наша пехота, а затем всякие обозы. Ох, уж эти обозники!»¹¹⁵ Во что они превратили эти чистенькие домики. Вот общее впечатление, которое осталось у меня: мы входим в дом, в комнатах шагнуть нельзя; до колена навалены всякие вещи, всякий хлам. Ни один шкаф, ни один комод или сундук не остался невыпотрошенным. Все содержимое на полу... Помню, как мы попали в большой дом, и нам посчастливилось получить там горячий кофе.... Почему-то женская прислуга осталась дома и с суетливой готовностью угощала нас этим кофе»¹¹⁶. Но не будем забывать, что большинство сельских жителей покинуло дома перед приходом русских (даже в процитированном отрывке бросается в глаза «почему-то осталась»), поэтому многочисленные случаи мародерства и вандализма вряд ли сопровождалось массовым насилием.

Обратим внимание еще и на следующий факт. В вышеупомянутом донесении полковника А.М. Крымова в штаб 2-й армии указывалось, что «кроме того, как только входят войска, в тылу начинается грабеж нашим населением добра немецкого»¹¹⁷. В этих разбоях в основном участвовали русские жители приграничной полосы, а также, согласно свидетельству Б.Н. Сергеевского, «всякие отрицательные элементы, устроившиеся в наших тыловых учреждениях»¹¹⁸. Военный врач З.Г. Френкель, в августе 1914 г. служивший в 1-м армейском корпусе (2-я армия), с которым побывал районе Илово – Зольдау, вспоминал, что: «противник спешно очистил не только нашу пограничную область, но и все близкие к

¹¹³ Успенский А.А. Восточная Пруссия – Литва. 1914-1915 гг. Каунас, 1932. С. 65.

¹¹⁴ Успенский А.А. Восточная Пруссия – Литва. 1914-1915 гг. Каунас, 1932. С. 67.

¹¹⁵ Хотя и не только обозники!

¹¹⁶ Бендерский А. Бородачи-уносы. «Ширвиндт: Лейб-Драгуны дома и на войне». В. 2. Париж, 1929. С. 117-118.

¹¹⁷ Восточно-Прусская операция: сборник документов. М.: Воениздат, 1939. С. 260.

¹¹⁸ Сергеевский Б.Н. Пережитое, 1914. Белград, 1933. С. 166.

границе свои населенные пункты. Возвратившееся население польских деревень устремилось в немецкие безлюдные поселки, и мы видели по всем дорогам, как поляки всех возрастов несли из покинутых немцами домов всякую утварь, гнали свиней и скот»¹¹⁹.

Немало досталось Восточной Пруссии и во время отхода 1-й армии в сентябре 1914 года. Само отступление, как известно, довольно тяжело действует на психику и моральное состояние солдат. Лейб-драгун А. Бендерский писал о тех днях: «Разоренные части пехоты в беспорядке шли на восток, сжигая все, что попадалось на их пути»¹²⁰. «Все, что попадалось», скорее, является преувеличением, хотя общая картина представляется верной. Нередко вывозили ценное (причем участвовали в этом зачастую офицеры), угоняли скот, из-за чего по тыловым дорогам иногда был затруднен отход.

Во время осенних боев русские наступали по тем же районам, где воевали в августе 1914 г., и мародеры уже грабили и разрушали то, что осталось нетронутым в первые месяцы войны или что немцы успели частично привести в порядок. Офицер Б.Н. Сергеевский писал: «... при первом нашем вторжении, когда жители оставались на местах, никаких погромов и грабежей не было. Когда же, при втором вторжении, жилища и все имущество оказались брошенными, то вспыхнул вандализм»¹²¹. Как видно из вышесказанного, первая часть утверждения русского офицера опровергается многочисленными фактами (однако в ряде случаев находит подтверждение), однако со второй – можно во многом согласиться.

Офицер К.С. Попов, будучи участником событий октября-ноября 1914 г., отмечал в мемуарах: «Я до сих пор не могу объяснить себе страсти солдат к разрушению, обуревавшей их при виде отражения своей собственной физиономии в зеркале»¹²². Спустя почти сто лет понять это еще сложнее, но все же стоит попытаться.

Яркий случай описывал в мемуарах капитан А.А. Успенский. Однажды ему удалось застать одного казака за тем, как тот вырывает клавиши из рояля. На вопрос «почему он это делает?» не удалось получить никакого вразумительного ответа, кроме того, что «рояль – немецкий»¹²³. Офицер Б.Н. Сергеевский приводил другой показательный эпизод, произошедший осенью 1914 г., когда два финляндских стрелка вошли в дом зажиточных крестьян: «Ваше высокоблагородие, – обратился один из них (т.е. солдат – П.К.) ко мне, – кто жил в этом доме? Немецкий барин?». – Не думаю, вероятно обыкновенный крестьянин... Это дом простого человека.

¹¹⁹ Френкель З.Г. Записки о жизненном пути. «Вопросы истории». 2007. № 1. С. 80.

¹²⁰ См.: Бендерский А. Мираж. «Ширвиндт: Лейб-Драгуны дома и на войне». В. 2. Париж, 1929. С. 49.

¹²¹ Сергеевский Б.Н. Пережитое, 1914. Белград, 1933 С. 166.

¹²² Попов К.С. Воспоминания кавказского гренадера, 1914-1920. Белград, 1925. С. 40.

¹²³ Такой же случай приводил в воспоминаниях и В. Литтауэр (см. Литтауэр В. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911-1920. М., 2006. С. 149). Возможно, А.А. Успенский позаимствовал этот эпизод из этих мемуаров, вышедших более чем десятилетием раньше.

Стрелки были, видимо, поражены. Они глядели друг на друга и лица их постепенно принимали озлобленное выражение. Вдруг они повернули свои винтовки прикладами вверх и, крича ругательства по адресу «проклятых немцев», стали ударами прикладов сокрушать все, что было возможно: часы, посуду, картины... Я прекратил эту безобразную сцену»¹²⁴.

Этот эпизод как нельзя лучше иллюстрирует не только восприятие немца как врага, но и чувство зависти и обиды, что противник живет *лучше*. Привыкшему жить в нищете, русскому солдату было трудно смириться с этой мыслью. Все это сливалось воедино и лежало в основе подобного поведения большинства солдат, обуреваемых порою полуживотной жестокостью.

К тому же пехоте трудно было просто грабить (ведь «трофеи» приходилось нести на себе), а потому она «все, что можно, пожирала, как саранча»¹²⁵. Другое дело – артиллерия и обозники, которые имели такую тягловую силу, как лошади. «В артиллерии... можно... видеть целую свинью на передке орудия, граммофоны... В обозах везли пружинные кровати... и даже нередко встречались пианино... Противно было смотреть на эту гадость, вносившую в войска деморализацию, но, к сожалению, не было принято тогда же против любителей чужой собственности draconian мер и дурные, но заразительные примеры нашли себе более широкое применение в период революции», – с горечью писал офицер К.С. Попов, участник осенних боев.¹²⁶

Часто занимались мародерством не из-за желания награть, а просто ради разрушения. Как писал офицер П.А. Аккерман: «Ныне сознание подсказывало солдату, что необходима борьба с материальным благосостоянием неприятеля»¹²⁷. Однако порою разрушались и те сооружения, которые потом понадобились русской армии. Так, зимой 1914 г. после взятия Лыка одна из подрывных команд взорвала водонапорную башню, которая потом оказалась нужна для восстановления городского водопровода, и часть скотобойни (вытяжные трубы, котлы и машины для переработки остатков), которая также потом понадобилась для убоя скота для войск. В приказе № 109 по 10-й армии от 6 января 1915 г. (24 декабря 1914 г.) командующему генералу Ф.В. Сиверсу пришлось указывать: «Разрушения заводов, фабрик, мельниц и проч. должны преследовать одну цель – нанесение возможно большего ущерба Германской промышленности, отнюдь не принося ущерба своим войскам, занимающим Восточную Пруссию. В виду сего Командующий Армией приказал напомнить, что приступая к разрушению какого-либо сооружения прежде всего необходимо убедиться, что оно не нужно и не может понадобиться нашим войскам и лишь тогда приступать к его

¹²⁴ Сергеевский Б.Н. Пережитое, 1914. Белград, 1933. С. 127-128.

¹²⁵ Попов К.С. Воспоминания кавказского гренадера, 1914-1920. Белград, 1925. С. 40.

¹²⁶ Попов К.С. Воспоминания кавказского гренадера, 1914-1920. Белград, 1925. С. 40, 41.

¹²⁷ Аккерман П.А. В штабе дивизии. «Голос минувшего». 1917. № 11-12. С. 305.

уничтожении»¹²⁸. А в другом приказе Ф.В. Сиверс приводил такой случай: «Нижние чины 3-го взвода Продовольственного транспорта 2-го Кавказского корпуса, ночевавшего в ночь с 9 по 10 ноября у Марграбово позволили себе сжечь для своих надобностей несколько телеграфных столбов и часть шестового военного телеграфа, чем на несколько часов прекратили связь штаба армии с корпусами и соседними штабами» (РГВИА Ф. 2144 Оп. 2. Д. 1. Л. 179).

Впрочем, общие усилия возымели успех: Восточной Пруссии был нанесен колоссальный экономический и материальный ущерб, а с потерей 135 000 лошадей, 250 000 коров, 200 000 свиней и урожая 1914 г. появились катастрофические проблемы со снабжением¹²⁹.

Но и в оценке грабежей следует избегать однозначных оценок, понимая то, что все происходило в военное время. Особо нужно выделить период Второго наступления (осень-зима 1914-1915 гг.), когда солдаты постоянно проводили время на холоде, а потому они могли разобрать на топливо дома, постройки или использовать в этом качестве мебель, книги и т.п., одним словом, все что горит. Это, видимо, приняло настолько широкий масштаб, что командующий 10-й русской армией генерала Ф.В. Сиверс был вынужден регламентировать подобные действия своих подчиненных: «В занятом нами районе Восточной Пруссии брошенные местными жителями жилища и домашнюю утварь отнюдь не употреблять на отопление, а пользоваться для этого имеющимися запасами угля, дров, а также лесом; при чем для планомерного использования материалов отопления войсковые начальники должны распределять между подведомственными им частями районы на участи».¹³⁰

Более того, как отмечалось выше, из-за перебоев со снабжением русским солдатам часто приходилось питаться «местными средствами». А потому к ненависти и зависти следует прибавить и простое, всем понятное чувство голода (которое к тому же еще больше озлобляло). Согласно воспоминаниям протопресвитера армии и флота Г. Шавельского, в меню нижних чинов часто (особенно в августе 1914 г.) входили утки, и куры, и баранина. Однажды один солдат добавил в борщ какао¹³¹. Описывая наступление 2-й армии в Восточную Пруссию, полковник В.Е. Желондковский отмечал, что о пограничной д. Каммерау, полностью покинутой жителями, ходили слухи «о необыкновенных раскормленных свиньях, о стадах гусей и рогатого скота... Он (заведующий хозяйством батареи – П.К.) попросил разрешения поехать еще раз в деревню и забрать для батареи хотя бы одну свинью. Разрешение ему дано не было. Нужно было ждать, как будет вообще регулирован

¹²⁸ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф. 2185. Оп. 1. Д. 253. Л. 112 (об).

¹²⁹ Kossert A. Ostpreußen: Geschichte und Mythos. Muenchen, 2005. S. 202-204.

¹³⁰ РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 253. Л. 112

вопрос довольствия на неприятельской территории в случае если жители покинут ее и купить ничего нельзя будет. Конечно, гуси пострадали не мало – я видел, как кое-где пробирались конные с притороченными к седлам обезглавленными гусями¹³²».

А на поиски еды в немецких селениях (в большинстве пустых) обычно не смотрели как на мародерство, тем более, как на равное, скажем, разграблению помещичьих усадеб. Даже в приказе от 26 (13) августа П.К. фон Ренненкампф указывал: «Возможно, что не успеют подвозить хлеба, но это не должно останавливать наступление нашей славной армии. Продовольствия находим много, мяса – сколько угодно, овощей и картофеля тоже, поэтому случайный недостаток хлеба не должен иметь значения. Войсковым интендантам, находя запасы муки и хлебопекарни, организовать хлебопечение на местах»¹³³. Однако в поисках продуктов русский солдат мог перевернуть немецкие дома вверх дном.

Не будем забывать, что мародерствовали и сами немецкие жители. Вспомним, что в Велау грабежи начались еще до прихода русских войск или как Инстербурге разграбление магазина местными жителями приписали «русским варварам».

А некоторые города оказались просто загажены. Ведь зачастую просто некому было убирать нечистоты. К примеру, Э. Людендорф писал: «В Норденбурге мы первый раз попали в город, который продолжительное время был занят русскими. Там все было невероятно загрязнено. Весь рынок был полон нечистот. Помещения были тошнотворно запахканы»¹³⁴.

При отступлении из Восточной Пруссии русские порою сжигали за собою дома, оставленные жителями. Например, такой приказ был отдан в феврале 1915 г. военными властями Иоганнисбурга. Подполковник С.Н. Мясоедов, служивший тогда при штабе корпуса, был весной 1915 года осужден за шпионаж и мародерство (впрочем, обвинения большинство исследователей считают надуманными), на суде он заявил: «Хотя некоторые вещи и вывезены, но в похищении себя виновным не признаю»¹³⁵. Эти слова отражают обыденность присвоения чужих вещей. Однако хотелось бы отметить один нюанс. Согласно показаниям С.Н. Мясоедова, в казенном доме лесничего он забрал олени рога, книги, два масляных портрета, две (или одну) гравюру, стол и стул. Сама усадьба потом была сожжена. И здесь следует поставить резонный вопрос, следует ли считать мародерством присвоение тех вещей, которые бы все равно сгорели? Как бы то ни было, суд расценил подобные действия подполковника С.Н. Мясоедова как мародерство.

¹³¹ См.: Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. С. 143

¹³² Желондковский В.Е. Воспоминания полк. Желондковского об участии в действиях XV корпуса во время операции армии ген. Самсонова. «Военный сборник». Белград, 1925. № 7. С. 271-272.

¹³³ См.: Восточно-Прусская операция: сборник документов. М.: Воениздат, 1939. С. 220.

¹³⁴ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. М.-Минск, 2005. С. 71.

¹³⁵ Тарсаидзе А. Четыре мифа о Первой мировой. М., 2007. С. 145.

Интересно отметить, в самом Иоганнисбурге он (с ведома генерала Архипова) с охваченного огнем дома снял чугунную доску, на которой было написано, что в 1813 г. там проживал император Александр I, и отправил ее через любовницу Е.А. Столбину в Петроград, редактору «Вечернего времени» Б. Суворину, чтобы тот передал эту доску в Музей Отечественной войны¹³⁶.

«Белым пятном» является и поведение самой немецкой армии. Выше упоминалось, что германцы (как военные, так и мирные жители) при отходе поджигали некоторые постройки, а, например, в Инстербурге вывели из строя водокачку. С военной точки зрения эти действия понятны и никакой речи о «тактике выжженной земли», конечно же, не шло.

Сложно ожидать и мародерство, ведь немецкая армия должна была защищать Восточную Пруссию, а не грабить ее. Однако привлекает внимание к себе донесение (от 27 (14) августа) Хана Нахичеванского в штаб 1-й армии: «Алленбург, Фридланд и все прилегающие деревни разграблены и разорены отходящими германскими войсками»¹³⁷. Невольно хочется спросить: не солгал ли генерал?

Если довериться мемуарам участников событий, то явной ложью является упоминание, что Алленбург и Фридланд «разграблены и разорены». Капитан А.А. Успенский писал об Алленбурге: «... старинный городок с 700-летней кирхой и узкими улицами, совершенно оставленный жителями. Здесь, на станции жел. дороги, нашли мы огромные склады консервов, особенно много сгущенного молока... Между прочим, осмотрели мы здесь и унтер-офицерский клуб местного пех. полка. Прекрасное помещение и обстановка, богатая библиотека, всевозможные пособия для решения тактических задач, хорошие стенные карты, портеры кайзера и разные батальные картины в красивых рамках... Когда ночью я поверял свои полевые караулы и заставы, я невольно залюбовался средневековой архитектурой домов с узкими улочками и светотенями от яркой луны. Особенное впечатление производила маленькая, но стильная, замощенная плитами площадь со своей высокой, старинной кирхой, длинным каменным бассейном для воды, памятником какому-то герою и двумя вековыми аллеями каштанов, кленов и лип»¹³⁸. И это описание разграбленного и тем более разрушенного города?

То же можно сказать и о Фридланде. Он был взят 26 августа. Как писал кавалергард В.Н. Звегинцов: «На городской площади валялись кучи мусора: банки из-под консервов, битые бутылки, солома. Торчали колышки от палаток и коновязей – следы недавнего бивака».¹³⁹ Но «следы мусора» вряд ли дают основание судить о том, что город

¹³⁶ Тарсаидзе А. Четыре мифа о Первой мировой. М., 2007. С. 131.

¹³⁷ Восточно-Прусская операция: сборник документов. М.: Воениздат, 1939. С. 224.

¹³⁸ Успенский А.А. Восточная Пруссия – Литва. 1914-1915 гг. Каунас, 1932. С. 65-66.

¹³⁹ Звегинцов В.Н. Кавалергарды в великую и гражданскую войну. 1914-1920 год. Таллин, 1936. С. 62.

разорен. К тому же вряд ли он особо пострадал позднее. Вспомним приводимые в начале статьи воспоминания кирасира Г. Гоштовта о Фридланде как о «чистеньком городке».

Об окрестных деревнях говорить сложнее. Больше оснований полагать, что они пострадали от русских казаков. Вопрос же о взаимоотношениях немецкой армии и населения провинции следует пока оставить открытым.

Насилие над мирными жителями

Отдельно от мародерства и вандализма нужно остановиться на непосредственных актах насилия над оставшимися мирными гражданами. Офицер Б. Сергеевский писал: «Что касается до отношения к отдельным оставшимся немцам, то злобы к ним русский солдат не испытывал»¹⁴⁰. Конечно, это всего лишь мнение одного участника событий, а как свидетельствуют воспоминания других офицеров, все было не так уж и однозначно. Можно вспомнить, как солдаты одного полка взяли на воспитание брошенного немецкого пятилетнего мальчика¹⁴¹ или же эпизод из мемуаров А.А. Успенского: «Я, например, видел, как около Клейн-Шонау немецкий цеппелин сбросил в лагерь ... беженских повозок 3 бомбы, приняв их, по-видимому, за русский артиллерийский парк. Сколько было убито и переранено стариков, женщин и детей! В ужасе, ища защиты и врачебной помощи, они прибегали к нам, своим врагам, и мы всей душой им помогали, чем могли. В этом случае забывалась вражда и особенно сильно сказывалось чувство простого сострадания к ближнему»¹⁴².

Офицер Б.Н. Сергеевский даже сделал интересный вывод: «Наш солдат по существу своему отнюдь не насильник. У хозяина он ничего не брал и не разорял. Без хозяина – другое дело. Да и трудно себе представить, чтобы тысячи солдат проводили зиму на холоду и не разобрали без остатка на топливо брошенных людьми деревянных зданий»¹⁴³. Относительно того, что «он ничего не разорял», возникают большие сомнения. О многих вещах мемуаристу, как офицеру, могло быть неизвестно, а потому сделанные наблюдения нельзя обобщать (нельзя исключать стремление автора в мемуарах очистить реальный образ русского солдата), но с последней частью цитаты, можно, пожалуй, согласиться.

Однако нельзя закрывать глаза и на факты особой жестокости, проявляемой к местному населению. Например, в декабре 1914 г. в селении Куттен (район занимал 22-й армейский корпус) урядник Оренбургского дивизиона изнасиловал трех девушек, за что был предан суду и расстрелян¹⁴⁴. Как говорится: в семье не без уродов. И подобное можно

¹⁴⁰ Сергеевский Б.Н. Пережитое, 1914. Белград, 1933. С. 166.

¹⁴¹ Сергеевский Б.Н. Пережитое, 1914. Белград, 1933. С. 148.

¹⁴² Успенский А.А. Восточная Пруссия – Литва. 1914-1915 гг. Каунас, 1932. С. 62.

¹⁴³ Сергеевский Б.Н. Пережитое, 1914. Белград, 1933. С. 166.

¹⁴⁴ Сергеевский Б.Н. Пережитое, 1914. Белград, 1933. С. 167.

назвать, к сожалению, «нормой военного времени». В мировой истории нет таких армий, солдаты которой не совершали бы насилие над мирным населением. Другой вопрос – насколько распространено было это. Относительно данного оккупационного режима на основе имеющихся сведений пока можно утверждать: не столь сильно (особенно по сравнению с простым мародерством). Немецкий исследователь Петер Ян признал, что: «террор, от которого страдало восточно-прусское население, имел особые формы (это были, в первую очередь, эксцессы со стороны мародерствующих солдат), характеризовавшие его скорее как террор от недисциплинированности, он никоим образом не принес более страшных жертв, чем, скажем, дисциплинированный террор немецкой оккупации в Бельгии»¹⁴⁵. Офицер П. Шапошников осенью-зимой 1914 г. вместе со своим 26-м Сибирским стрелковым полком находившийся в д. Гура Кальвария писал: «Жителей – почти никого, кроме десятка старух и стариков, которых полк подкармливал из своих ротных кухонь. Печальна и тяжела была жизнь этих стариков среди врагов, занявших их дома и превративших их из хозяев собственных домов в бедных приживальщиков у неприятельских солдат, хотя последние, как и офицеры, старались, как могли, показать им свое расположение. Мало того, что они не чувствовали себя хозяевами собственного имущества, но их также убивала своя же, немецкая артиллерия, как и нас, русских»¹⁴⁶.

Действительно, где устанавливалась твердая власть, беспорядкам обычно приходил конец и устанавливался более-менее стабильный оккупационный режим. Здесь нужно отметить энергию офицеров, старавшихся навести порядок во вверенных им частях. Вспомним период оккупации в том же Инстербурге. Но если за солдатами не следили, то их безудержная удаль проявлялась не только на полях сражений. А справиться с нею могли разве только полевые суды. Да и то, как видно, далеко не всегда удавалось предавать суду тех, кто нарушал дисциплину. Порою это было невозможно, потому мародеры остались ненаказанными.

Зато отношение со стороны большинства офицеров к гражданским было преимущественно сносным, а иногда и мягким (одним из конкретных примеров можно назвать тот же оккупационный режим в Тильзите). Командование старалось поддерживать в войсках дисциплину и пресекать насилие, а иногда и заботиться о населении. Во многом это стало результатом воспитанного стереотипа поведения истинного русского офицера, влиянием тех традиций, в которых воспитывалось русское офицерство.

Но так было не всегда – недоверие играло важную роль в восприятии немецких граждан. Особенно оно усилилось во время Второго наступления. Так, командующий 10-й

¹⁴⁵ См.: *Jahn P. Zarendreck, Barbarendreck - Peitscht sie weg! // August 1914: Ein Volk zieht in den Krieg. Berlin, 1989. S. 148.*

¹⁴⁶ *Шапошников П. В Восточной Пруссии // Военная быль. 1967. № 87. С. 1.*

армией генерал Ф.В. Сиверс в одном из приказов четко писал, что во время пребывания в Восточной Пруссии выявлялась враждебность немцев, а потому в каждом пункте надо осматривать дома и подвалы и брать заложников. Чинов лесной стражи следовало считать шпионами и сразу же брать в плен¹⁴⁷. Условия позиционной войны требовали более внимательного отношения к оставшимся немцам, которые – как патриоты своей страны – далеко не всегда отличались дружелюбностью и покорностью.

А велики глаза не только у недоверия, но и у сарафанного радио и немецкой пропаганды (тем более у военной), которые, что вполне возможно, раздувая из мухи слона, многочисленные факты дисциплинарного взыскания могли в скором времени представить в качестве «азиатской дикости» и «звериной жестокости». Ведь даже на одни и те же события взгляд мирных граждан и русских солдат окажется разным. Первые, скорее всего, будут (даже неосознанно) преувеличивать жестокость, а вторые, наоборот, искренне считать, что действуют в рамках законов военного времени и не совершают ничего предвзятого.

Естественно, имели место и отдельные случаи неоправданной жестокости. Например, осенью один генерал, германофоб, не хотел поначалу впускать в дом нескольких женщин с больным ребенком, но после просьб офицеров штаба сжалился¹⁴⁸. Осмысление же себя борцами «за правду» в священной войне против агрессора актуализировало стереотип поведения, который при определенных условиях (когда отдельные патриотически настроенные граждане отваживались выступать против «захватчика» и тем самым «нарушали» законы войны) легко санкционировал репрессивные – карательные – меры.

Часть 3

Если говорить в общем, то любая война попросту развращает (многие позволяют нарушать все нормы морали, которые в обыденной жизни казались незыблемыми), дает возможность зачастую безнаказанно проявиться самым низменным свойствам души. Как говорится, жестокость порождает жестокость. Окопное же «сидение» и позиционные бои (в отличие от маневренных) сами по себе действуют угнетающе¹⁴⁹, поэтому не удивительно, что (в нашем случае – осенью-зимой 1914-1915 гг.) учащаются случаи нарушения дисциплины (в том числе можно отметить факты братаний)¹⁵⁰ и, тем более, мародерства и насилия над оставшимися гражданами. Невозможно воевать так, чтобы не страдали мирные жители. Трупы мирных граждан, разрушенные города и сожженные села, мародерствующие солдаты,

¹⁴⁷ РГВИА. Ф. 5090. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.

¹⁴⁸ *Сергеевский Б.Н.* Пережитое, 1914. Белград, 1933. С. 129.

¹⁴⁹ «Какая подавленность духа от сознания, что ты обратился в крота!», – писал в мемуарах А.А. Успенский (Восточная Пруссия – Литва. 1914-1915 гг. Каунас, 1932. С. 113)

¹⁵⁰ Один из фактов братания зимой 1915 г. около д. Куспен (ныне – пос. Весново) между офицерами из 1-й русской и 1-й немецкой кавалерийских дивизий описан в мемуарах В. Литтауэра. См.: *Литтауэр В.* Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911-1920. М., 2006. С. 176-177.

к сожалению, - всегда неотъемные спутники такого действия, как война. Когда человеку разрешено убивать другого человека, солдата, то многие позволяют себе и мародерство, и даже насилие по отношению к мирному населению¹⁵¹. Тем более что они – чужие, немцы, иноверцы, враги, от которых нужно защищать и родных, и родину, сражаясь «за правду»¹⁵². В действии психология «свой – чужой», когда «наши» всегда правы, а «чужие» – виноваты¹⁵³. Не будем забывать и о вечном «праве победителя» (правда, быть в этом статусе пришлось довольно недолго). Все это дает солдату возможность считать себя невиновным. Человеку, к сожалению, всегда свойственно оправдывать свои поступки. А тем более – солдату, который изначально убежден как в правильности и справедливости своих действий, так и в «дьявольской сущности» врага. И разве от выросшего в грубой среде русского солдата можно было бы не ожидать различных эксцессов? Как ни прискорбно, но среда определяет большинство черт характера человека, его моральные устои, а война – лишь усугубляет пороки. Ошибочно полагать, будто бы война, какой бы она ни была, могла делать сердца «чистыми», а души – «открытыми». Повседневная жестокость и тяжесть военных дней, не только закаляет, но и – главное – ожесточает сердце, делает его менее восприимчивым к чужой боли. Война переворачивает сознание солдата. Прав был философ Ф. Степун: «Человек, который отдает свою жизнь, не может щадить благополучие галичанина и жизни его телки и курицы. Человек, испытывающий над собой величайшее насилие, не может не быть насильником»¹⁵⁴. Все же следует согласиться с положением, что война выстраивала для людей собственную этико-правовую систему. Как пример - строчки из мемуаров Н.В. Буторова, начальника одного из медицинских отрядов при 1-й армии: «С какой гордостью вступили мы в пределы Восточной Пруссии! С каким чувством собственного достоинства старались сидеть на лошадях, проходя по обгорелым улицам Эдткунена! Как радовались, глядя на поврежденные артиллерией дома и на местных жителей, поспешно снимающих шляпы!».¹⁵⁵

¹⁵¹ Еще раз хочется вспомнить эпизод из мемуаров А.А. Успенского, о том, что казак выдирает клавиши у пианино, потому что оно было немецкое...

¹⁵² См.: *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в создании армии и общества. М., 2006. С. 62-72.

¹⁵³ *Сенявская Е.С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в создании армии и общества. М., 2006. С. 71.

¹⁵⁴ *Степун Ф.* Из писем пропорщика-артиллериста. Б.м., 1919. С. 20 Цит. по: *Иванов А.И.* Первая мировая война в русской литературе 1914-1918 гг. Тамбов, 2005. С. 351.

¹⁵⁵ *Буторов Н.* Прожитое, 1905-1920. М., 2009. С. 41.

Благо, что у наступающих русских частей в 1914 г. не было обостренного чувства мести и жажды справедливого возмездия - насколько таковое может быть справедливым, – иначе мировая история могла бы знать в несколько раз больше «абшвангенов».¹⁵⁶

В то же время в войсках распространялись рассказы (часто домыслы и сплетни) о зверствах немцев, которые тиражировала русская пресса. Относительно сражений в Восточной Пруссии можно предположить, что эти слухи могли дойти до массы солдат в основном уже только осенью 1914 г. (т.е. в период Второго наступления). Однако, согласно свидетельствам очевидцев, рассказы о жестокости противника начали ходить с первых дней войны. К примеру, полковник В.Е. Желондковский, повествуя о выдвижении 2-й армии к границе Восточной Пруссии, рассказывал: «В дер. Сена также побывали немцы. Для офицеров батареи отведена была хата пожилого крестьянина; он встретил нас с несомненной радостью, но как будто был чем-то подавлен.... Впоследствии отец, осторожно озираясь по сторонам, всхлипывая, сообщил нам, что немцы изнасиловали его дочь и она не может никак прийти в себя после позора. Снова полились жалобы и бесконечные рассказы о германских зверствах»¹⁵⁷.

Для сравнения, осенью 1914 г. на территории Польши, которая тогда входила в состав империи, наши солдаты вели себя не лучше. Епископ Трифон Дмитровский, полковой священник 163-го пехотного полка, а до войны – второй викарий Московской митрополии, в дневниках писал: «Вообще воинство худо себя ведет в этом отношении. Пьянство и грабежи, был даже случай вымогательства денег под угрозой пистолета, даже насилие женщин»¹⁵⁸. Подобное получило достаточно широкое распространение, если ими заинтересовалось высшее начальство. К примеру, 13 декабря (30 ноября по ст.ст.) 1914 г. появился приказ по 1-й армии, в котором клеймились позором подобные случаи: «некоторые нижние чины позволяли себе насильственным образом забирать у жителей фураж, разные продукты, лошадей, повозки и проч., при этом, за взятое денег не платили, а оставляли записки, умышленно скрывая в них части войск, в которых состоят на службе и свои фамилии. К сожалению, также высказывались упреки, что ближайшие начальники не принимают должных мер воздействия на нижних чинов»¹⁵⁹. Решительно требовалось от начальников прекратить подобное «гнусное беззаконие», наказывая мародеров самым строгим образом. Однако приказ не возымел должного действия и уже через две недели пришлось выпустить

¹⁵⁶ Как это случилось в 1944-45 гг., когда, несмотря на многочисленные попытки советского командования сохранить дисциплину, простые солдаты, прошедшие по сожженным городам и селам западных районов Советского Союза, выместили на Восточной Пруссии всю ненависть за злодеяния вермахта на оккупированной советской территории).

¹⁵⁷ Желондковский В.Е. Воспоминания полк. Желондковского об участии в действиях XV корпуса во время операции армии ген. Самсонова. «Военный сборник». Белград, 1925. № 7. С. 270.

¹⁵⁸ Митрополит Трифон (Туркестанов). Проповеди и молитвы. Материалы к жизнеописанию / Сост. Иеромонах Афиноген (Полесский). М., 1999. С. 148.

¹⁵⁹ РГВИА. Ф. 2106. Оп. 2. Д. 1. Л. 20.

другой, где опять запрещалась выдача расписок вместо денег за взятые товары и требовалось жестко карать виновных¹⁶⁰. Однако, как мы видели на примере Восточной Пруссии следить за нижними чинами достаточно сложно, а война пишет собственные нормы поведения, так что и эффективность этого приказа (равно как и последующих) оказалась невысокой.

Относительно оккупационного режима в Восточной Пруссии представляет интерес следующая немецкая статистика. В уезде Ортельсбурга было убито 130 мирных жителей, 200 – депортировано, целые деревни сжигались (не будем забывать, что ряд селений мог сгореть во время тяжелых боев, шедших здесь, а граждане – погибнуть от шальных пуль и снарядов); в уезде Лыка – 133 убитых, 21 раненый и 1204 депортировано. Отмечу, что бои здесь велись и осенью 1914 г. А в семи уездах административного округа (Regierungsbezirk) Алленштайна 707 человек погибло, 2713 – депортировано. Общее число жертв оккупации – около 1500 мирных граждан¹⁶¹. Согласно приблизительным подсчетам по спискам захоронений Первой мировой войны, только в 22 уездах провинции погребено около 415 местных жителей¹⁶².

Что касается упоминаемой выше депортации мирных граждан, то многих интернировали в Поволжье и Сибирь, и среди них, по немецким данным, были и старики, и дети. Официальная цифра депортированных – около 10 000 жителей¹⁶³. В немецких работах можно встретить данные о 13 600 «ни в чем не повинных гражданских лиц, из которых 4000 вновь не увидели Родину»¹⁶⁴.

Всего в августе-сентябре 1914 г. обе русские армии задержали 581 военнообязанного¹⁶⁵ из числа немецких граждан, оказавшихся на оккупированной территории. Многих выслали из-за подозрения в шпионаже или за различные проступки и нарушения дисциплины. Также об отдельных депортациях можно прочитать в мемуарах участников сражений. По воспоминаниям генерал-майора Я.М. Ларионова, 9 (22) августа по приказу Верховного главнокомандующего вл. кн. Николая Николаевича за зверства немцев

¹⁶⁰ РГВИА. Ф. 2106. Оп. 2. Д. 1. Л. 68 об.

¹⁶¹ Kossert A. Ostpreußen: Geschichte und Mythos. München, 2005. S. 202; Майор Диккерт, генерал Гроссман. Указ. соч. С.13.

¹⁶² Согласно приблизительным подсчетам по гг. Кенигсберг, Инстербург, Тильзит, а также Ангсбургскому, Эхндерунгскому, Гольдапскому, Инстербургскому, Пилькаленскому, Бартенштайнскому, Браунсбургскому, Фишхаузенскому, Гердауэнскому, Хайлигенбайльскому, Хайльсбергскому, Кенигсбергскому, Морунгенскому, Прейсиш-Эйлаускому, Прейсиш-Холландскому, Раценбургскому и Велаускому уездам. Также в двух уездах (Гумбинненский и Даркеменский) похоронен еще как минимум 71 мирный житель.

¹⁶³ Нелипович С. Население оккупированных территорий рассматривалось как резерв противника // Военно-исторический журнал. 2002. № 2. С. 62.

¹⁶⁴ Майор Диккерт, генерал Гроссман. Бои в Восточной Пруссии: Обширный документальный репортаж о военных событиях, происходивших в Восточной Пруссии. Калининград: Областной историко-художественный музей, 1999. С. 13.

¹⁶⁵ Нелипович С. Население оккупированных территорий рассматривалось как резерв противника // Военно-исторический журнал. 2002. № 2. С. 61.

над населением русского г. Калиш в качестве заложников из германского городка Лык были взяты ландрат и 9 именитых граждан. Их доставили на автомобилях в крепость Осовец¹⁶⁶. В 1916 г. ландрата Петерса обменяли на генерала, но остальные находились в Сибири до 1917 г.¹⁶⁷

В августе Самсонову и фон Ренненкампу было не до того, чтобы целенаправленно загружать тыловые дороги эшелонами с депортируемыми мирными гражданами. Да и зачем? Ведь предполагалось в ближайшее время полностью оккупировать эту провинцию. Во время отступления же русским было не до увода местных жителей: самим бы в плен не попасть.

Сохранилось интересное свидетельство А.А. Успенского: «Вот, наконец, при дальнейшем нашем продвижении вглубь Пруссии, от Инстербурга стали попадаться навстречу огромные фуры с беженцами; их направляли наши коменданты к границам России»¹⁶⁸. Хотя многих, думаю даже большинство, опять возвращали (или они сами возвращались) в покинутые города.

Большого размаха депортация достигла во время Второго наступления в Восточной Пруссии, в позиционный период войны. Хоть наступали по тем же территориям, что и в августе 1914 г., однако политика уже изменилась: депортации приняли регулярный характер. Только в первой половине ноября в 10-й русской армии было отправлено в тылы 515 человек разных полов и возрастов. Тем не менее, некоторые жители выслались и вперед, к своим. Иметь в тылах множество граждан противника, особенно в позиционный период войны, небезопасно. В полнее обоснованы опасения враждебной настроенности, и шпионажа, и различных болезней, ходивших среди обывателей. Так, в приказе по 10-й армии от 7 января 1915 года (25-го декабря 1914 г.) отмечалось, что «есть основания предполагать, что заразные болезни передаются к нам от немцев вследствие того, что наши войска надевают иногда их одежду и пользуются едой и питьем, находимыми у немецких раненых, пленных или убитых»¹⁶⁹.

О размахе депортации в этот период говорит за себя следующий факт: министр внутренних дел Н.А. Маклаков 19 (6) января 1915 г. обратился к Н.Н. Янушкевичу, начальнику штаба Верховного главнокомандующего, с просьбой «прекратить массовую высылку жителей Восточной Пруссии»¹⁷⁰. Ведь цифра интернируемых в Сибирь и Поволжье измерялась

¹⁶⁶ Ларионов Я.М. Записки участника мировой войны. 26-я пехотная дивизия в операциях 1-й и 2-й русской армий на Восточно-Прусском и Польском театрах в начале войны: (Сост. по дневнику и полевым документам). Харбин, 1936. С. 9.

¹⁶⁷ Kossert A. Ostpreußen: Geschichte und Mythos. Muenchen, 2005. S. 204.

¹⁶⁸ Успенский А.А. Восточная Пруссия – Литва. 1914-1915 гг. Каунас, 1932. С. 62.

¹⁶⁹ РГВИА. Ф. 2185. Оп. 1. Д. 253. Л. 113.

¹⁷⁰ Нелипович С. Население оккупированных территорий рассматривалось как резерв противника // Военно-исторический журнал. 2002. № 2. С. 63.

тысячами, а содержались они практически наравне с военнопленными, в тех же ужасных условиях¹⁷¹.

Следует упомянуть, что генерал-губернатором провинции после ее полной оккупации должен был стать генерал П.Г. Курлов. В мемуарах он писал: «Я считал недопустимым введение чисто гражданского управления, а находил, что важнейшей моей обязанностью является обеспечение тыла и всевозможное содействие русским войскам. На месте я намеревался восстановить, если это окажется возможным, бывшие ранее органы управления»¹⁷².

П.Г. Курлов, прибывший в штаб Северо-западного фронта в конце августа, был назначен на эту должность верховным главнокомандующим вл. кн. Николаем Николаевичем. Это кстати, вызвало неудовольствие у Я.Г. Жилинского, который, будучи не только главнокомандующим фронтом, но и Варшавским генерал-губернатором, сам хотел управлять этой провинцией. Но параллельно судьба, как тогда казалось, новой губернии волновала и Министерство внутренних дел, которое направило в Восточную Пруссию своего чиновника К.В. Гюнтера в качестве «губернатора одной из местностей»¹⁷³. Интересно и то, что 26 августа в «Записке для памяти» генерал-квартирмейстер при верховном главнокомандующем генерал Данилов высказывал следующие соображения: «Полевое управление армии ген. Самсонова... следовало бы реорганизовать по типу армии местного характера с подчинением ген. Самсонову всей Восточной Пруссии, из коей следовало бы образовать генерал-губернаторство, с подготовкой управления занятой территории уже теперь»¹⁷⁴.

Однако до драчки не дошло. Дело решили немцы, выгнав русских из провинции. Вопросы о том, кому, чем и когда управлять в Восточной Пруссии, отпали сами собой. Во время Второго наступления вопрос о генерал-губернатору уже так поспешно не ставился, хотя отметим, что Ф.В. Сиверс проявлял больше внимания к проблеме местного населения.

Оценивая русский оккупационный режим, хотелось бы привести довольно точную характеристику русским войскам, которую дал кавалерист В. Литтауэр: «Мы действовали как любая армия в этом подлунном мире: грабили, разрушали, а потом очень сожалели, признавая содеянное»¹⁷⁵. Безусловно, нужно помнить о том, что на характер оккупации сильно влияли субъективные факторы:

– поведение немецких граждан (акты убийства русских солдат обычно карались жестко и репрессии грозили порою всем жителям населенного пункта);

¹⁷¹ Впрочем, жизнь русских военнопленных в Германии была не многим лучше.

¹⁷² См.: Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 2002. С. 241.

¹⁷³ См.: Курлов П.Г. Гибель императорской России. М., 2002. С. 242.

¹⁷⁴ Восточно-Прусская операция: сборник документов. М.: Воениздат, 1939. С. 281.

¹⁷⁵ Литтауэр В. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911-1920. М., 2006. С. 148.

- личность коменданта (вспомним полковника Богданова, коменданта Тильзита, благодаря которому в городе установился достаточно мягкий режим);
- личность глав местного самоуправления (именно благодаря энергии глав местного самоуправления, например, Инстербург и Прейсиш-Эйлау не сильно пострадали и смогли избежать ряда репрессий);
- интенсивность боевых действий (из-за действий той же артиллерии многие населенные пункты оказывались разрушены, что некоторые потом пытались приписать мародерству и бесчинству русских войск);
- близость или, наоборот, удаленность от границы (многие приграничные населенные пункты, где происходили боевые действия осенью 1914 года во время Второго наступления, оказались разрушены).

В целом стоит признать: оккупационный режим, особенно в августе 1914 г., не отличался ни мягкостью, ни жестокостью. С одной стороны, многие русские солдаты и мародерствовали, и разрушали, и даже совершали редкие акты насилия над местным населением; с другой – командование в массе проявляло дисциплинированность и старалось заботиться о германских подданных и бороться с мародерами, что отметили впоследствии и немецкие исследователи¹⁷⁶. Ведущую роль играл фактор взаимного недоверия, который особо накалял обстановку и приводил порою к различным эксцессам.

Русское командование старалось соблюдать и положения Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, принятую в Гааге 18 октября 1907, в частности статьи отдела третьего «О военной власти на территории неприятельского государства». Многие положения там достаточно расплывчаты и нередко имеют оговорку «по возможности». А Статья 50 («Никакое общее взыскание, денежное или иное, не может быть налагаемо на все население за те деяния единичных лиц, в коих не может быть усмотрено солидарной ответственности населения») или же Статья 52 («Реквизиция натурой и повинности могут быть требуемы от общин и жителей лишь для нужд занявшей область армии») вообще мало чем ограничивают. Любую реквизицию можно объяснить нуждами армии (особенно той, у которой возникли проблемы со снабжением), а в почти любом нападении на русского солдата, если сильно захотеть, удастся усмотреть коллективную ответственность.

Также вряд ли правомерным было отдавать приказ сжигать все селения, откуда производятся выстрелы. Конечно, в Конвенции указывается, что «никакое общее взыскание, денежное или иное, не может быть налагаемо на все население за те деяния единичных лиц, в коих не может быть усмотрено солидарной ответственности населения». Однако критерии,

¹⁷⁶ См.: *Jahn P. Zarendreck, Barbarendreck – Peitscht sie weg! // August 1914: Ein Volk zieht in den Krieg.* Berlin, 1989. S. 148; *Ян П.* Указ. соч. С. 40.

по которым можно усмотреть «солидарную ответственность», понятно, достаточно расплывчаты.

Вопрос вызывает и Статья 45, где сказано, что «воспрещается принуждать население занятой области давать сведения об армии другого воюющего или о его средствах обороны». В переписке русского командования отражено, что в августе 1914 г. русские нередко ориентировались о местонахождении немцев на основе сведений, полученных от местных жителей. Однако вполне вероятно, что напуганные пруссаки, сами без особого давления сообщали врагу о том, в каком направлении отходят части 8-й армии. К тому же простые расспросы – не принуждение, а полученная информация не всегда была верной.

Можно обратить внимание на приказ П.К. фон Ренненкампа по Инстербургу с обещанием сжечь весь город, если еще будут звучать выстрелы. В Статье 23 из отдела «О военных действиях» указано, что воспрещается «объявлять, что никому не будет пощады». Хотя, полагаю, это – мелочь, продиктованная военными обстоятельствами, которая и в сравнение не идет с действиями немцев в той же Бельгии. Уж точно, они бы после первого выстрела не ограничились словесным предупреждением....

Что касается остальных положений, то, конечно, де-факто многие нарушались (особенно статья 47, гласившая: «Грабеж безусловно воспрещается»), но по каким причинам видно из всего выше сказанного.

Восстанавливать провинцию стали сразу же, как только война откатилась от ее границ. Согласно немецким данным, в 39 городах и 1900 небольших населенных пунктах оказались разрушены 40 000 различных строений, и еще 60 000 получили повреждения¹⁷⁷. Помимо государства огромный вклад внесла организация «Помощь Восточной Пруссии. Союз Германских обществ послевоенной помощи разрушенным восточнопрусским городам и поселкам», собравшая миллионные пожертвования. Многие города и округа Германии брали шефства над разрушенными населенными пунктами и районами провинции. Например, Ширвиндту оказал помощь Бремен, Ортельсбургу – Берлин-Вильмерсдорф и Вена, а Шталлупенену – Кассель¹⁷⁸.

Об авторе:

Константин Александрович Пахалюк – ведущий специалист научного сектора Российского военно-исторического общества.

¹⁷⁷ Майор Диккерт, генерал Гроссман. Бои в Восточной Пруссии: Обширный документальный репортаж о военных событиях, происходивших в Восточной Пруссии. Калининград: Областной историко-художественный музей, 1999. С. 13.

¹⁷⁸ Kossert A. Ostpreußen: Geschichte und Mythos. Muenchen, 2005. S. 204.